

ДЖОВАННИ МАРИА ЧЕККИ

СОВА

ПРОЛОГ

Итак, о чем поведают, выйдя на подмостки, эти господа? Опасаются ли они, что не достигнут того блеска и той глубины, к коим, по-видимому, обязывает их или, лучше сказать, должно обязывать звание лицедеев, которое они себе присвоили? Коли опасаются — пусть оставят опасения, дабы показать каждому, что они не менее смелы теперь, поднимаясь на подмостки, нежели когда присваивали себе это многообещающее звание, тем более что, невзирая на сжатость времени и прочие плебейские условности, они намереваются представить совершенно новую комедию, сочиненную одним из них ради собственного и вашего удовольствия, фабула которой не заимствована ни у Теренция, ни у Плавта, в чем вы сами убедитесь, а подсказана случаем, происшедшим недавно в Пизе с некими юными студентами и некими благородными дамами. Случай этот и вправду таков, что вполне заслуживает вашего великодушного внимания и, осмелюсь даже утверждать, вас позабавит. Если кто-нибудь ожидает, что комедия сия по примеру большинства комедий начнется с опустошения Рима, осады Флоренции, вынужденной разлуки детей с родителями либо с чего-то подобного, а закончится свадьбой, тот ошибается: в нашей комедии вы не услышите жалобных сетований о потерянных сыновьях или дочерях — ведь, как я уже сказал, в ней нет никого, кто бы мог их потерять, — равно как и речей о женитьбе или

замужестве, ибо в числе многих прочих достоинств, даже преимуществ этой развеселой компании главное то, что ее участников не занимают мысли о браке — ни своим, ни чьим бы то ни было. И ежели вы спросите, что же составляет предмет комедии, я отвечу: одна история, продолжавшаяся всего десять часов, а может, и того меньше; вы ее скоро узнаете, уделив комедии свое благосклонное внимание, каковое желательно на подобных представлениях и каковое вы оказывали другим комедиям того же автора. Если же вдруг она покажется вам несколько более вольной по языку либо по интриге, нежели прочие его комедии, простите его, ибо, пожелав однажды отойти от такого предмета, как свидания и свадьбы, он не сумел этого сделать. Вот и все, что стоит сказать в оправдание автора и всех остальных; да они и сами считают, что перед вами, кои являетесь их друзьями и почитателями, оправдываться было бы излишне, а тем паче — перед людьми злобными: ведь это все равно что бросать слова на ветер, поскольку злобный человек не захочет выслушивать оправданий; и перед завистниками нет у них желания оправдываться, дабы не уронить себя слишком низко — учитывая ничтожество этих людей, коль скоро позволительно называть завистников людьми. Они уповают на ум зрителей и надеются на их похвалу за то, что, будучи молоды, откровенно предаются молодым утехам. А впрочем, пусть всяк судит по-своему — это не меняет дела. Единственное, о чем они просят каждого зрителя, — выслушать «Сову» молча от начала до конца. Потом же любой волен браниться или восхищаться в зависимости от того, что подскажет ему природа, ибо брань не вызовет у них гнева, а хвала не вскружит им голову. Однако они уже выходят на сцену. Слово им.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мессер Джулио, студент.
Мессер Ринуччо, студент.
Мессер Амброджо, старый адвокат.
Мадонна Оретта, его жена.
Мадонна Вьоланте, ее сестра.
Джорджетто, слуга мессера Джулио.
Джаннелла, слуга адвоката.
Мадонна Вердиана, святоша.
Мадонна Аньола, служанка.
Угуччоне, брат мадонны Оретты.

Действие происходит в Пизе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мессер Джулио, студент, и Джорджетто, его слуга.

Джулио. Когда бы отец с матерью, а за ними и вся Флоренция приехали в Пизу, от них не было бы мне такой пользы, какая может быть от тебя.

Джорджетто. Рад служить вам.

Джулио. Признаюсь тебе: с того дня, как ты отсюда уехал, то есть вот уже скоро два месяца, нет среди здешних студентов никого несчастнее меня.

Джорджетто. Может, обстановка непривычная? Или в науках переусердствовали? Я вам, хозяин, так скажу: вы только первый год в студентах и навряд ли уж столь быстро выучитесь, что не придется, по крайности, еще на годик здесь задержаться. Тише едешь — дальше будешь.

Джулио. Тише, говоришь? Да ежели честно — только ты меня не выдавай, — я за все это время, пожалуй, и четырех часов не занимался. Так что, как видишь, тише некуда.

Джорджетто. Да, такое ученье усердным не назовешь, прямо скажем.

Джулио. Какое уж тут усердие, когда я умираю от любви? Когда места себе не нахожу ни днем, ни ночью?

Джорджетто. Выходит, у вас на уме другая наука. А вашу любовь разделяют?

Джулио. И да и нет. Но лучше бы не разделяли,

ибо что касается предмета моей любви, то я влюблен без взаимности, а что касается соперников, то, увы, те же чувства разделяет и мессер Ринуччо Гваланди, в доме которого мы с тобой живем. Он и есть мой соперник, о чем сам не подозревает. И неприятнее всего, что он посвятил меня в свои чувства и вечно обсуждает их со мной да еще просит, чтобы я ему помог.

Джорджетто. Уже неплохо: вы про него знаете, а он про вас нет. Ну и как — везет ему в любви? Движется дело?

Джулио. Потихоньку. Думаю, он с ней даже еще не говорил, зато нашел общий язык с ее служанкой.

Джорджетто. А вы-то объяснились в любви — хоть сами, хоть через кого-то?

Джулио. Пока нет.

Джорджетто. Втрескались два месяца назад и еще не объяснились? Господи, до чего глупо! Ни в какие ворота не лезет.

Джулио. В таком деле нельзя горячку пороть.

Джорджетто. Будь я на вашем месте, она бы у меня давно забрюхатела — уж я бы два месяца не тянул.

Джулио. Ты что? Это тебе не какая-нибудь потаскуха, с которой можно переспать за три-четыре юлия, а одна из благороднейших женщин в городе.

Джорджетто. Молоды вы еще, вот что я вам скажу. Баклуши бить — это вы умеете, а как до дела доходит, грош вам цена. Вот увидите, я вам помогу все в два счета обтяпать. На ловца и зверь бежит. Скажите только, кто она.

Джулио. Скажу. Но понимаешь, Джорджетто, я бы не...

Джорджетто. Оттого что будете некать, вы ничего не выиграете. Неужто, черт возьми, у вас было мало случаев испытать меня и вы не знаете, на что я гожусь?

Джулио. Мне известна твоя преданность и твое умение хранить тайны. Тем не менее я считал нелишним напомнить тебе об этих качествах, ибо, всплыви все наружу, я погиб.

Джорджетто. Не бойтесь, скажите же, кто она.

Джулио. Жена мессера Амброджо да Кашина, пизанского адвоката, ее зовут мадонна Оретта де'Симонди, и живет она вон в том доме.

Джорджетто. Совсем рядом — прямо рукой подать.

Джулио. А проку-то что?

Джорджетто. Как что? Разве это не великое удобство — найти себе даму по соседству? По крайней мере, вы можете видеть ее в любое время.

Джулио. Как бы не так! В лучшем случае я вижу ее раз в полмесяца, да и то мельком.

Джорджетто. Неужто она до того боится свежего воздуха, что в окне не показывается?

Джулио. Ни в дверях, ни в окне. Мессер Амброджо сторожит бедняжку хуже, чем в тюрьме, ревнуя ее так, как только может мужчина ревновать женщину. Понимаешь? Раньше, я слышал, он, подобно прочим законникам, частенько отлучался из города по своим адвокатским делам, теперь же дома сидит, никуда не ездит.

Джорджетто. Надо думать, сколотил деньгу.

Джулио. Да, он смерть как богат.

Джорджетто. Ну ежели смерть, тогда чтоб он сдох, а я стал его наследником!

Джулио. Это еще не все. Он держит особого слугу — затем только, чтобы тот в дом никого не пускал.

Джорджетто. Так ведь и у вас есть верный слуга.

Джулио. Я тебе больше скажу: мало того, что слуга этот — недреманное око хозяина, который, в свой черед, смотрит за ним в оба, так он еще вдобавок величайший прохвост и набитый дурак, каких свет не видывал.

Джорджетто. Трудно хитроумного провести, а дурака надуть тем проще, чем меньше у него мозгов.

Джулио. Я бы не строил расчет исключительно на его глупости.

Джорджетто. Как говорят французы, аржан могёт все. Помяните мое слово, хозяин: сколько бы ни ревновал муженек, сколько бы ее ни сторожили служанки или слуги, не пройдет и недели, как она будет ваша. Я этим займусь.

Джулио. Сразу видно, ты не знаешь, с кем тебе предстоит иметь дело.

Джорджетто. Сразу видно, вы еще не знаете, на что я гожусь. А вот и ваш мессер Ринуччо. Легок на помине.

Д жу ли о. И с ним служанка мадонны Оретты.

Д жо р д ж е т т о. Похоже, у нее для него хорошие новости. Идите к ним, прощупайте почву, а потом мне расскажете — я буду в этой церкви.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мессер Ринуччо, студент, мадонна Аньола, служанка, и мессер Джулио.

Р и н у ч ч о. Чего вы боитесь?

А н ь о л а. Не хочу, чтоб меня видели с вами, а то вмиг заподозрят дурное.

Р и н у ч ч о. Дурное? Вот тебе раз! Ужели при виде молодого человека и женщины, беседующих между собой, обязательно подозревать дурное?

А н ь о л а. О мессер Ринуччо, не забывайте, что в наше время слишком много злых языков. А кроме того, ежели мой хозяин выйдет из дому и заметит меня с вами, я пропала.

Р и н у ч ч о. Заметит? При его-то слепоте? Говорю вам, идите сюда.

Д жу ли о. Что с ней? Какого черта эта плутовка жмется к стене? Отчего трусит?

Р и н у ч ч о. Говорите же, у вас для меня хорошие новости?

А н ь о л а. До того хорошие, что ежели вы человек приличный, как я вас считаю, то наградите меня.

Р и н у ч ч о. Не сомневайтесь.

А н ь о л а. Да будет Господь милостив к вам!

Д жу ли о. Ишь осмелела! Подойду-ка я к ним.

А н ь о л а. Ой, кто-то идет! Прощайте.

Р и н у ч ч о. Куда вы? Не убегайте, это мессер Джулио. Идите сюда, я же сказал — не бойтесь. Можете говорить при нем, ибо мы с мессером Джулио все равно как братья, и у меня от него нет секретов.

Д жу ли о. Если я мешаю, я уйду.

Р и н у ч ч о. Ни в коем случае. Кому мне довериться в моем положении, коли не вам? Быстрее, мадонна Аньола, выкладывайте вашу добрую новость.

А н ь о л а. Я вам скажу по секрету кое-что важное, но смотрите, ежели узнают, что тайна открылась...

Р и н у ч ч о. Полагаю, и половины слов, которые я тут потратил, было бы достаточно, чтобы вы поверили мне тайны куда большие, нежели та, что я из вас никак не вытяну.

А н ь о л а. Влюбленные — народ осторожный, береженого, как говорится, Бог бережет.

Д ж у л и о. Говорите смело, мадонна Аньола. Все, что я услышу, умрет вместе со мной.

А н ь о л а. Мадонна Оретта, моя хозяйка, и ее сестра, мадонна Вьоланте, ходили вчера в монастырь комедию смотреть.

Р и н у ч ч о. Правда? А я ничего не знал.

А н ь о л а. Я и то удивилась, что вас не видеть.

Р и н у ч ч о. О Боже! Окажись я там...

А н ь о л а. И ничегошеньки бы вы не сделали, несчастный человек! Она ведь под присмотром была — и по дороге туда, и на обратном пути.

Д ж у л и о. Ну уж взглядами-то они разик-другой обменялись бы.

А н ь о л а. Правда ваша, только ведь в огонь, коли вы хотите его погасить, воду лить нужно, а не серу бросать.

Р и н у ч ч о. Кто с ней был?

А н ь о л а. Этот ее хрыч мессер Амброджо да сиенский дурак Джаннелла. Они ее до монастырского двора довели, и ежели бы им внутрь можно было войти, то вошли бы, будьте уверены; но поскольку мужчин туда не допускают, они проторчали за порогом, покуда представление не кончилось; когда же она вышла, пристроились по бокам и доставили ее домой.

Д ж у л и о. Бывают же такие ревнивые люди! Зверски ревнивые!

А н ь о л а. На представлении случаем была ваша матушка, и сидела она рядом с моей хозяйкой.

Р и н у ч ч о. Господи, почему я не оказался на ее месте?

А н ь о л а. Ишь проказник! Да разве в монастырях занимаются этакими делами?

Д ж у л и о. Ну вот, сразу дурное заподозрили.

А н ь о л а. Я знаю, что говорю.

Р и н у ч ч о. Мадонна Аньола, я человек порядочный, уверяю вас.

Д ж у л и о. Мессер Ринуччо обошелся бы с вашей хозяйкой не хуже, чем если б она была его женой.

А н ь о л а. А вы бы как обошлись, господин Пустомеля?

Д ж у л и о. Так же, а то и лучше, если б можно было лучше; и почел бы себя обязанным, коль скоро не потрафил бы ей, поправлять дело до тех пор, покуда бы она не призналась, что довольна.

Р и н у ч ч о. Рассказывайте дальше, вместо того чтобы болтать почему зря.

А н ь о л а. Они стали разговаривать о том о сем, как оно обычно бывает, я же сидела позади них и слышала весь разговор.

Р и н у ч ч о. А обо мне они говорили?

А н ь о л а. Вовсе нет. Слово за слово, мадонна Анфрозина, ваша матушка, поведала хозяйке, как сильно в нее влюблен мессер Амброджо — ну прямо с ума сходит.

Р и н у ч ч о. Мессер Амброджо влюблен? В кого?

А н ь о л а. В мадонну Анфрозину, вашу матушку.

Р и н у ч ч о. Неужели Господь допустил такое?

А н ь о л а. Выходит, допустил, коли так оно и есть, и все святые тоже.

Д ж у л и о. Не удивительно, что каждое утро и каждый вечер он часа по два прогуливается от своей двери до вашей; я-то думал, для моциону, а он, оказывается, разом и за мясом приглядывает, и за кошкой. Ай да старый хрыч!

Р и н у ч ч о. Ха-ха-ха! Вот умора! Любовь закона не знает, годов не считает. Видали мартовского кота? Спятил, да и только! Но рассказывайте дальше, сделайте милость.

А н ь о л а. Она сказала, что он не раз подсылал к ней эту ханжу мадонну Вердиану, которая ходит по церквам, молитвы творит и вечно с кем-то шушукается.

Д ж у л и о. Подсылал? Мадонну Вердиану?

А н ь о л а. Ее самую, пустосвятку несчастную.

Р и н у ч ч о. А я-то хорош: четыре месяца, как влюблен в его жену, и за это время не сумел с нею сделать то, что, быть может, в более краткий срок сделал он с моей матерью!

Д ж у л и о. И впрямь, эти старики столь же превосходят нас хитроумием, сколь мы их — силою.

А н ь о л а. Ему бы силушку под стать хитроумию. Будь она у него, он бы собственную жену удовольствовал. Неужто она может не нравиться? От добра добра не ищут.

Р и н у ч ч о. Черт возьми! Седина в бороду, а бес в ребро.

Д ж у л и о. Пресытился человек — что тут еще сказать?

А н ь о л а. Да разве ж это хорошо, что мадонна Вердиана с ее святым видом пособляет в подобных делишках старичью, которому пора бы уж уgomониться и о душе думать, носит им весточки друг от друга? А кто поклоны в церквах бьет — не она, что ли?

Д ж у л и о. С такими, как она, держи ухо востро.

А н ь о л а. По мне, мадонна Вердиана совершает большой грех: вот ежели бы она молоденькой какой передала пару слов от юноши вроде вас, тут бы никому вреда не было.

Д ж у л и о. Напротив, великая даже польза, ибо она совершила бы богоугодное дело, да и старичье осталось бы на бобах.

А н ь о л а. Не надо мне ихних бобов! Я скорее соглашусь с голоду помереть, чем подобные поручения выполнять, упаси меня Бог! Из сострадания к какому-нибудь молодому человеку или к несчастной женщине молоденькой, чтобы не отчаивалась, все бы сделала, скажу я вам; а в дурном деле — я не помощница!

Д ж у л и о. О, сразу видно, что у вас добрые намерения!

Р и н у ч ч о. Досказывайте про любовные шашни старого хрыча.

А н ь о л а. Когда хозяйка все это услышала, она рассердилась. Долго они толковали и под конец придумали дать старику то, чего он хочет. И знаете как?

Р и н у ч ч о. Веселая история — за последнее время не упомяну ничего похожего.

А н ь о л а. Они рассудили, что, ежели мадонна Оретта закатит старику скандал и пожалуется на него своим братьям, тот от всего быстренько отопрется и братья ей не поверят, поскольку, не зная такого за мессером Амброджо, подумают, будто мадонна Оретта попросту ревнует; а потому, прежде как измена откроется, надобно все предусмотреть, чтобы ему не отпереться.

Р и н у ч ч о. Разумно.

А н ь о л а. Для этого они порешили, что мадонна Анфрозина ответит старикану и хорошенько его обнадежит, передав, что не прочь побыть с ним, как только представится удобный случай.

Д ж у л и о. Вот и верь после этого женским обещаниям!

А н ь о л а. И что в подходящую минутку, когда вас обоих не будет дома, она пошлет за мессером Амброджо и уложит его в вашей комнате внизу, а перед этим предупредит обо всем мадонну Оретту и отправит ей ваше платье, чтобы она переделалась мужчиной, в таком виде прошмыгнула в ваш дом и в полной темноте вошла бы в комнату, где находится ее муженек; когда же она пробудет с ним изрядное время, то откроет ему, кто она, и выскажет все, что пожелает и чего он заслуживает; таким образом, он не сможет отпереться и столковаться с ее братьями, она вышибет дурь у него из головы, застыдив и оконфузив сперва сама, а потом в присутствии вашей матушки, мадонны Анфрозаины, которая прибежит на шум.

Р и н у ч ч о. Ну и ну! Давненько не приходилось слышать о такой хитроумной ловушке.

Д ж у л и о. Воистину, женщины хитрее самого черта.

А н ь о л а. На том они и порешили. Ой, вон идет одна женщина, мне надобно с ней поговорить. Прощайте.

Р и н у ч ч о. Мадонна Аньола, подождите.

Д ж у л и о. Как бы не так! Очень мы ей нужны — ишь несется!

Р и н у ч ч о. Что скажете на все это, мессер Джулио? Как по-вашему — нет ли для меня в этом деле хорошей стороны?

Д ж у л и о. Для вас это превосходно со всех сторон, и думаю, вам представляется случай, который сделает вас счастливым. Будь я на вашем месте и умирай, как вы, от любви, я бы сразу почел себя счастливым.

Р и н у ч ч о. О брат мой, скажите, дорогой, как бы вы поступили в подобных обстоятельствах?

Д ж у л и о. Скажу. Но сначала догоните эту служанку и узнайте, не хочет ли она сказать вам кое-что с глазу на глаз, ибо поспешный ее уход кажется мне подозрительным.

Р и н у ч ч о. Вы находите?

Д ж у л и о. Я в этом уверен.

Р и н у ч ч о. А где я вас потом найду?

Д ж у л и о. В этой церкви: мне нужно кое-что сказать одному человеку, который ждет меня там.

Р и н у ч ч о. Дождитесь меня, сделайте милость.

Д ж у л и о. Вы меня легко найдете — не в церкви, так дома или где-нибудь поблизости.

Р и н у ч ч о. Без вас бы я пропал!

Д ж у л и о. Идите же. Мне не терпится рассказать все Джорджетто и поглядеть, не удастся ли ему — ведь он чертовски хитер — извлечь из этого дела какой-нибудь прок для меня.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мессер Амброджо, один.

А м б р о д ж о. Нет уж, никуда не поеду. Верно говорят, любовь не пожар, а загорится — не потушишь. С тех пор как я влюбился в мадонну Анфрозину, нет мне покоя ни днем, ни ночью — только о ней и думаю; и ежели бы она, волею судьбы, жила далеко отсюда, а не поблизости, я был бы несчастнейшим человеком во всей Пизе; ибо, как бы там ни складывалось, я должен был бы искать возможность увидеть ее, а следовательно, удаляться от дома, что весьма опасно: у кого красивая жена, как у меня, тот должен за нею приглядывать, особенно здесь, в Пизе, где полным-полно беспутных студентов, не знающих стыда и сорящих деньгами. Служанкам и слугам доверять нельзя, это все равно что пускать козла в огород, и хотя на Джаннеллу, кажется, можно положиться, все-таки по-настоящему стеречь свое добро — значит, насколько возможно, стеречь его самому.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мадонна Вердиана, мессер Амброджо.

В е р д и а н а. Раз я несу хорошие вести тому, кто считает себя самым несчастным человеком, он должен будет хорошенько меня отблагодарить.

А м б р о д ж о. Уж не мадонна ли это Вердиана?

Похоже, она. Или нет? Ну конечно, она. И впрямь, глаза у меня не те стали.

Вердиана. Спасибо еще, что не надо гоняться за ним по всему городу!

Амброджо. Она самая, причем направляется к моему дому.

Вердиана. О, дверь приоткрыта! Мне повезло.

Амброджо. Что вам угодно?

Вердиана. Поговорить с мессером... О, мессер Амброджо, вас-то я и ищу, помогай вам Бог!

Амброджо. Вы бы тоже могли мне помочь, если б захотели.

Вердиана. Для этого я и пришла. А куда это вы смотрите?

Амброджо. Отойдите немного от двери.

Вердиана. Ах, ревнивец! Чего вы боитесь?

Амброджо. Того, о чем я все время думаю.

Вердиана. Значит, вы мне не доверяете?

Амброджо. В моем положении будешь недоверчивым.

Вердиана. Знаете, что я вам скажу? Смотрите не смотрите, все одно не поможет, ежели ей охота припадет.

Амброджо. Главное — позаботиться о том, чтобы у нее не было удобного случая.

Вердиана. Да хоть и не будет! Но ежели ей приспичит, она и с садовником шашни заведет.

Амброджо. Ошибаетесь. Вот уже много дней, как я дал садовнику от ворот поворот.

Вердиана. А как же ваш сад?

Амброджо. Уж я бы давно по миру пошел, когда бы рассчитывал на доход от своего сада!

Вердиана. Да ну? Неужто выгода от такого сада, как ваш, кажется вам пустяком? Вон у наших монахов сад куда плоше вашего, а они из него монастырь кормят да и нас всех. И ежели они морковь сеют, она у них вот такой величины вырастает, глядите.

Амброджо. Мне дела нет до моркови и до богомолок, коих надобно ублаговлять, чтобы поддерживать в них веру. Зато мне есть дело до того, кто крутится у моего дома, вот в чем штука.

Вердиана. А разве при желании она не может сделать этого с Джаннеллой?

Амброджо. Ишь куда хватила! Да второго тако-

го надежного человека, как Джаннелла, днем с огнем не сыщешь. К тому же, сдается мне, у него отсутствуют мужские способности, а думай я иначе — его бы не было в моем доме или я бы его оскотил. Но оставим эти порошковые разговоры. Какие вести вы принесли мне от мадонны Анфрозины? Ужели ей хочется, чтобы я от зуда маялся, как шелудивый пес?

В е р д и а н а. Мессер Амброджо, вы мне не раз обещали: за первую добрую весть получишь, мол, от меня награду. Ей-ей, получишь. А поскольку пора пришла, то, прежде чем вам эту весть выложить, я хотела бы знать, какая будет ваша награда.

А м б р о д ж о. Вы мне не верите?

В е р д и а н а. Я вам верю, но не забудьте, что я бедная и живу своим трудом и милостью добрых людей.

А м б р о д ж о. Ну хорошо, коль скоро вы готовы споспешествовать *salvum me fac*¹, знайте: за первую же добрую весть я отдам вам свои старые шлепанцы.

В е р д и а н а. Ваши старые шлепанцы?

А м б р о д ж о. А вы бы чего хотели? Ладно уж, те, которые на мне сейчас, почти что новые. Да не кривитесь вы! За вторую отдам эти чулки — но при условии, что весть будет заключаться по меньшей мере в том, что я смогу с ней поговорить. За третью же — а именно когда я узнаю, что мне предстоит спать с ней, — вот эту мою накидку на подкладке. Ну, что вы теперь скажете?

В е р д и а н а. Скажу, что человек вы не ахти какой дельный и чересчур скупой; и что в городе нет студентика, пользующегося моими услугами, который, принеси я ему розу от его дамы, а не то что весть, какую вам принесла, не дал бы мне в два раза больше, чем вы обещаете дать в три приема.

А м б р о д ж о. Мадонна Вердиана, молодежь находит тех, кто снабжает ее деньгами. Я ведь тоже, когда даю совет, мог бы брать за него десять скудо, если бы мне платили, а мне платят половину — и я беру. То, от чего откажешься, считай пропало, особо же в таких тонких делах, как наше с вами, где важен каждый шаг, каждое слово; а посему, мадонна Вердиана, нам следует поддерживать друг друга, оставаясь в добром согласии.

В е р д и а н а. Ага, я останусь бедная, а вы богатый.

---

¹ Здесь: моему исцелению (лат.).

Амброджо. Да вы просто не хотите заработать на этом деле.

Вердиана. Еще как хочу!

Амброджо. Что же вы торгуетесь? Ну хорошо, в самом деле посмотрим, что вы хотите получить.

Вердиана. Перво-наперво, поскольку я не какая-нибудь ветошница, которой нужно ваше старье, я хочу договориться насчет платы чистоганом.

Амброджо. Пусть будет чистоганом, но исходите из разумной цены.

Вердиана. За то, что я сделала до сих пор, вы дадите мне четыре золотых дуката.

Амброджо. Типун вам на язык, мадонна Вердиана! Вы меня без ножа режете, хватит с вас и десяти грошей.

Вердиана. Ага, десять грошей и кукиш с маслом в придачу! Мое дело маленькое. Видали записку от мадонны Анфрозины? А теперь прощайте, я ее назад отнесу и расскажу, какой вы добренький.

Амброджо. Подите сюда, мадонна Вердиана. Черт с ней, с осторожностью! Послушайте же вы, подойдите поближе!

Вердиана. Будь я проклята, ежели когда-нибудь еще свяжусь с вами!

Амброджо. Ой, не зарекайтесь, свяжетесь, на мое счастье, — и я дам вам то, что захочу. Отныне, при первом же судебном деле, возбужденном против вас, приходите ко мне, и я бесплатно, по-дружески вас проконсультирую.

Вердиана. Бесплатно! Вы что, не знаете, какие тяжкие нынче времена? И уж коли я стараюсь для вас, то не за бесплатно и не за-ради дружбы.

Амброджо. Я вас отблагодарю. Скажите, что вы хотите впредь, и забудем этот разговор, как будто его не было.

Вердиана. Я своего не упущу и вперед буду действовать с вами по-другому. Это письмо от вашей мадонны Анфрозины, она написала его собственноручно; коли хотите получить, я назначаю за него десять дукатов.

Амброджо. Охренеть можно!

Вердиана. Не ругайтесь.

Амброджо. Я не ругаюсь, но ведь это грабеж! Да я в полгода десяти дукатов не зарабатываю!

Вердиана. Коли в письме не сплошь добрые вести, платы я не возьму.

Амброджо. Вы хотите моей смерти! Да таких денег не стоит письмо даже из Калькутты или из Перу! Однако сделаем так, мадонна Вердиана: зайдем в дом, а то у меня и очков-то при себе нет, чтоб письмо прочитывать. Там я вас и отблагодарю. К тому же вон кто-то идет, и нам могут помешать.

Вердиана. Идемте куда хотите. Ежели тебе приспичило, ты у меня раскошелишься, старик несчастный!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мессер Ринуччо и мессер Джулио.

Ринуччо. По-моему, превосходный план, да и осуществимый легко.

Джулио. У вас обязательно получится. Где она сказала вам ждать?

Ринуччо. Где-нибудь здесь — пока она не вернется.

Джулио. Здесь и оставайтесь, а так как вы лучше уладите все один, я тем временем сбегая по одному своему делу.

Ринуччо. Постарайтесь не задерживаться, дабы, в случае надобности, мне вас не искать.

Джулио. Ждите меня дома в двадцать три часа.

Ринуччо. Сейчас, должно быть, около двадцати двух часов.

Джулио. Договорились. Я вас не подведу, а вы дождитесь ее и найдите доктора, вот и все. Ну и не забудьте потом послать к старику моего слугу, от которого он узнает, что можно прийти.

Ринуччо. Я все сделаю, как только найду мадонну Аньолу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мессер Ринуччо, один.

Ринуччо. Вот когда я убеждаюсь, сколь полезен может быть преданный друг. По правде говоря, я всегда думал, что иметь истинного друга весьма удобно, однако

при этом не представлял себе и доли того, в чем убеждаюсь сейчас. Кто в данном случае мог дать мне лучший совет, нежели мессер Джулио? Кто бы так быстро сплел и помог мне натянуть сети, в кои попадетсЯ этот дурачина адвокат? Бесспорно, у мессера Джулио резвый и возвышенный ум, а иначе он не был бы флорентийцем. Благословен тот час и та минута, когда он пожелал поселиться в моем доме, а я — поселить его у себя! Ибо, не говоря уже о весьма высокой плате, получаемой мною с него как жильца, его одолжения, его советы не единожды выручали меня, и уж если была мне польза от его подсказки, так вот она! Подумать только, он использовал даже то, что мессер Амброджо — мой адвокат: доктор оглянуться не успеет, как попадетсЯ на удочку, — и все благодаря ему, мессеру Джулио. В общем, чем больше я об этом думаю, тем веселее у меня на душе. Однако вот и она.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мессер Ринуччо и мадонна Аньола.

Ринуччо. Я здесь, мадонна Аньола.

Аньола. А я вас выглядывала. Вы меня заждались?

Ринуччо. Пустяки. Я согласен и дольше ждать — главное, чтобы вам было удобно.

Аньола. Эта женщина столько мне порассказала! Я даже боялась, что она до ночи проговорит.

Ринуччо. Это болезнь большинства женщин.

Аньола. Вы что-нибудь придумали?

Ринуччо. Придумал. И если я в вас не ошибся, все пройдет как по маслу.

Аньола. Мессер Ринуччо, другая бы на моем месте нос задрала, а я полагаю мою помощь лишней...

Ринуччо. А я нахожу излишними эти разговоры, ибо все предусмотрел. И лишь одно мне у вас не нравится.

Аньола. Скажите — что.

Ринуччо. Ваша затрапезная юбка. Держите, вот вам три дуката, позаботьтесь о том, чтобы я больше на вас ее не видел, а то смотреть тошно.

Аньола. О мессер Ринуччо, вы слишком добры,

большое вам мерси! Я принимаю подарок, дабы показать вам, что помню о вашем деле, да и новая юбка мне не помешает; но если б вы даже ничего мне не дали, я бы точно так же вам помогала, ведь я это не ради платы делаю.

Р и н у ч ч о. Какая там плата! Плата еще впереди. Но предложи я вам все, что у меня есть, мне бы и тогда с вами не расплатиться.

А н ь о л а. Для меня лучшая награда — это сделать вам приятное. Но оставим этот разговор. Что вы придумали?

Р и н у ч ч о. А вот что: сейчас я скажу доктору, что нынче вечером уезжаю из Пизы по делам; затем я пошлю ему записку, якобы написанную моей матерью, где будет сказано о моем отъезде и о том, что она ждет его этой ночью в три часа и что ему следует прийти со стороны двора за домом.

А н ь о л а. Ловко.

Р и н у ч ч о. Там будет ожидать мой друг, мессер Джулио, переодетый служанкой, который впустит его и запрет во дворе, где он может беситься сколько угодно и орать что есть мочи, и никто его не услышит, ибо туда выходят окна лишь моей комнаты.

А н ь о л а. И долго вы намерены держать его там?

Р и н у ч ч о. Слушайте дальше. Я же тем временем выйду через главный вход и приду к вашему дому. В котором часу ваша хозяйка ложится спать?

А н ь о л а. Около четырех, а сегодня, быть может, и раньше, поскольку завтра утром собирается в монастырь и хочет подняться чуть свет.

Р и н у ч ч о. Тем лучше. Вы говорите, что еще не рассказывали ей о моих чувствах?

А н ь о л а. Нет, сударь; ибо, как я сказала вам третьего дня, я не раз исподволь заговаривала с ней про любовь и про то, чем занимаются влюбленные, но увидела, что для нее это пустой звук, все равно как розы в январе, и решила про вас не заикаться.

Р и н у ч ч о. Хорошо. План мой заключается в том, чтобы самому объясниться в любви, видя, что вы еще ничего ей не сказали; и если мне повезет, я объяснюсь сначала на деле, а уж потом на словах.

А н ь о л а. Дай вам Бог! Только как же это?

Р и н у ч ч о. Очень просто. Успех моего плана зависит от вас. Как только доктор окажется в ловушке и я

буду уверен, что он не в силах испортить мне обедню, я приду сюда и стану ждать; вы же, увидев, что хозяйка ваша в постели, и убедившись, что она спит, подадите мне знак и откроете дверь: я проскользну в дом и, притворившись мессером Амброджо, войду в спальню мадонны Оретты и лягу в постель рядышком с ней. Время подскажет, как мне вести себя дальше: возможно, я откроюсь перед ней, а возможно — нет; ближе к рассвету, зная, что доктор садится за работу на заре, я скажу, что должен работать, встану и побегу выпускать мессера Амброджо из заточения, после чего, умирая от холода, он вернется домой.

А н ь о л а. Коли вы послушаетесь моего совета, то не откроетесь — представляю, какой большой поднимется шум, чуть она узнает, кто вы.

Р и н у ч ч о. Не хочу об этом думать раньше времени: буду действовать по обстоятельствам. Главное — чтобы вы меня впустили.

А н ь о л а. То-то и оно, что это труднее, чем вы думаете.

Р и н у ч ч о. Что же тут трудного?

А н ь о л а. Я вам объясню. Поскольку доктор должен будет уйти, хотя я не верю, что он уйдет, но допустим — уйдет, он оставит в доме эту скотину Джаннеллу, который обычно спит около двери; но нынче ночью, будьте уверены, он ни за что не ляжет спать, покуда старик не вернется.

Р и н у ч ч о. А я не могу попасть в дом, минуя вход с улицы?

А н ь о л а. Нет, сударь: старик приказал запереть все окна, которые выходят на крышу, нижние же — замуровать.

Р и н у ч ч о. А через стену сада?

А н ь о л а. Трудно. И потом, даже если вы забереетесь в сад, все равно, чтобы попасть в дом, придется идти мимо этого чертова Джаннеллы.

Р и н у ч ч о. Попробовать, что ли, дать ему денег, чтобы не пикнул?

А н ь о л а. Боюсь, тут не только деньги, но и острый нож вряд ли поможет. Не доверяйте ему нисколько, иначе и себя погубите, и хозяйку, и меня.

Р и н у ч ч о. Придумал: я напишу доктору, чтоб взял его с собой.

А н ь о л а. Не возьмет.

Р и н у ч ч о. А я так напишу, чтоб взял.

А н ь о л а. Ну ладно, допустим, он его берет, но тогда запирает дверь на ключ.

Р и н у ч ч о. Отмычка сделает свое дело. Ваша забота, мадонна Аньола, дать мне знать, когда прийти. Остальное предоставьте мне.

А н ь о л а. Хорошо. Как только хозяйка ляжет, я, ежели хотите, повешу вон на то окно полотенце. Увидите? Оно и в темноте будет белеть.

Р и н у ч ч о. Конечно, увижу.

А н ь о л а. А ежели Джаннелла никуда не уйдет, я оставляю окно закрытым.

Р и н у ч ч о. Прекрасно.

А н ь о л а. Ой, наша дверь открывается! Уходите, уходите.

Р и н у ч ч о. Это старик со своей мадонной Аполлонией. Скажи пожалуйста!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мессер Амброджо, мадонна Вердиана, мадонна Аньола.

А м б р о д ж о. Послушайте, мадонна Вердиана. Раз уж я у вас заиграл, сделайте так, чтобы мне и затанцевать.

В е р д и а н а. И затанцуете, сделаю, не извольте сомневаться.

А н ь о л а. Добрый вечер, храни вас Бог.

А м б р о д ж о. Куда можно ходить в такой час?

А н ь о л а. Я ходила за салатом.

А м б р о д ж о. Покажи-ка, что у тебя здесь?

А н ь о л а. Ничего. Ой, вы мне порвете платок!

А м б р о д ж о. А под шляпкой что?

А н ь о л а. Ой, да где ж такое видано? Голову растреплете.

А м б р о д ж о. Лучше я растреплю тебе голову, чем ты украсишь мою рогами, поняла? А тут что?

А н ь о л а. Салат.

А м б р о д ж о. А в корзинке что?

А н ь о л а. Господи, да что там, по-вашему, может быть?

А м б р о д ж о. Записка какая-нибудь, подарок — мало ли что!

А н ъ о л а. Опять двадцать пять! Сущее наказание!

А м б р о д ж о. Чем больше женщина разглагольствует, тем меньше я ей верю.

В е р д и а н а. Чересчур уж вы недоверчивый! Я вам прошлый раз говорила: молитесь Бога, чтоб ваша жена не ждала записочек. Коли послание могут перехватить по дороге, его передают устно. И держат язык за зубами.

А м б р о д ж о. Все равно я узнаю.

В е р д и а н а. И как же вы это сделаете?

А м б р о д ж о. Как? Как? Вырву ей язык.

В е р д и а н а. Вот уж не пошла бы служанкой к вам в дом — даже за двойную плату.

А м б р о д ж о. А я б вас и не взял даже с приплатой. Однако оставим разговор о моих семейных делах и поговорим о другом: да поймите же вы, о Господи, что шесть дукатов, которые я вам дал, изрядная сумма.

В е р д и а н а. Ну и скупердяй! Обижаете, чисто-сердечно вам скажу! Не забудьте, что я за вас еще и молюсь.

А м б р о д ж о. Мне от ваших молитв не легче. Дайте же наконец человеку побыть с мадонной Анфрозиней!

В е р д и а н а. Для этого нужно, чтоб уехал ее сын.

А м б р о д ж о. А если он никогда не уедет? Получится, что я выбросил на ветер такие деньги?

В е р д и а н а. Не получится, можете быть спокойны.

А м б р о д ж о. Трудно оставаться спокойным, когда кошелек тощает, а голова пухнет: в записке, которую я получил, сплошная неопределенность, туман один; дело не движется, хотя и не по моей вине: я раскошелился, когда эта разбойница, мадонна Вердиана, загнала меня, надо сказать, в угол, и не одна неделя пройдет, покуда я оправлюсь от урона.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мессер Ринуччо и мессер Амброджо.

Р и н у ч ч о. Доброго вам здоровья, ваша милость господин адвокат.

А м б р о д ж о. Рад вас видеть, *veniat, domine*¹. Что нового?

---

¹ Пожалуйте, сударь (*лат.*).

Р и н у ч ч о. Я пришел узнать, был ли у вас мой защитник и как продвигается судебное разбирательство.

А м б р о д ж о. В вашем деле много сложностей, изучение которых требует длительного времени, но поскольку речь идет о вас, я охотно во всем разберусь. Могу пообещать это вам, *cum quibus*¹ сочувствую, как никому другому.

Р и н у ч ч о. Благодарю вашу милость, и хотя мне никогда не отблагодарить вас так, как вы того заслуживаете, в долгу я не останусь.

А м б р о д ж о. Кто-кто, а вы всегда исправно платили мне гонорар.

Р и н у ч ч о. Я пришел поговорить с вами. Нынче вечером мне нужно уехать во Флоренцию с мессером Джулио, живущим у меня в доме. Мы едем по его делам на восемь дней — при условии, что я не опоздаю на суд.

А м б р о д ж о. Поезжайте на здоровье: как вам известно, через два дня *in civilibus*² начнутся каникулы, и суды будут закрыты до начала поста.

Р и н у ч ч о. Так я и думал, но все же не мог уехать, не предупредив вашу милость.

А м б р о д ж о. Вы правильно поступили, ибо в судебных тяжбах, помимо всего прочего, очень важно, чтобы кто-то двигал дело.

Р и н у ч ч о. Надеюсь, ваша милость соблаговолит тем временем углубиться в дело и разрешить упомянутые вами сложности, а в счет благодарности за свои труды получить пока это скудо.

А м б р о д ж о. Очень любезно с вашей стороны, хоть это вы и напрасно.

Р и н у ч ч о. У вашей милости будут какие-нибудь поручения?

А м б р о д ж о. Хорошенько отпразднуйте карнавал с флорентийками.

Р и н у ч ч о. За этим дело не станет. Ага, клюнул, старый изменщик!

А м б р о д ж о. Удачно получилось: он мне и денежки дал, и удобства создал — так что хныкать нечего.

---

¹ Коему (*лат.*).

² В конторах (*лат.*).

Теперь поглядим, искренне пишет мадонна Анфрозина или нет, и сколь я могу доверять ее обещаниям. Ох уж эти женщины! Ежели она сделает то, о чем говорится в ее записочке, я проведу карнавал в Пизе получше, чем эти молокососы во Флоренции. Кабы передать через мадонну Вердиану мадонне Анфрозине мое «да» прежде, чем он придет, и сообщить время, я смог бы сэкономить, а так придется ей платить. Где ее искать, чтобы отправить с поручением? Но где бы она ни была — я сыщу ее и доведу дело до конца. Скорее на поиски! Джаннелла! Джаннелла! Джаннелла!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Джаннелла, мессер Амброджо.

Джаннелла. Чего изволите, сударь?

Амброджо. Неси мое платье и шляпу, быстро! Что ты на меня уставился, осел? Что ты делаешь?

Джаннелла. Хочу отнести это в дом.

Амброджо. Черт побери! Хочешь оставить меня здесь в исподней рубахе и без шляпы? Подай сначала платье, холера тебе в бок! Ну и болван! И тем не менее, при всей его тупости, лучше держать такого, на которого я могу положиться, чем какого-нибудь шустрого умника, который водил бы меня за нос.

Джаннелла. Держите.

Амброджо. Дай сюда. Слушай, Джаннелла: мне надобно отлучиться по важному делу. Никуда не уходи, доколе я не вернусь. Ступай в дом. Постой, осел! Что ты должен сделать?

Джаннелла. Не знаю.

Амброджо. Потому что бестолочь! Ты должен запереть эту дверь на засов и до моего возвращения не отпирать и никого не выпускать из дома. Ты меня понял?

Джаннелла. Сейчас узнаете. Запираю. Слышите?

Амброджо. Да, все в порядке. Теперь я могу спокойно уйти. Не будь в доме этого осла, положение мое было бы хуже некуда.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мессер Джулио и Джорджетто, со свертком под одеждой.

Джулио. Как видишь, Джорджетто, не дальше как нынче ночью мессер Ринуччо насладится любовью, я же останусь на бобах.

Джорджетто. Пусть нам скажет спасибо: один бы он сроду до такого не додумался. Так что пеняйте на себя: кабы вы помалкивали, могли бы сами быть на его месте.

Джулио. Ты прав, однако я из той дурацкой породы людей, которые, если друг с ними советуется, стараются дать ему наилучший совет, пусть даже себе в ущерб. Ничего не поделаешь. А ты-то какого черта обещал ждать меня в церкви — и сам ушел? Если б дождался, возможно, я и не дал бы ему этого совета.

Джорджетто. Не раскаивайтесь в добром поступке и в том, что угодили дружку.

Джулио. Я раскаиваюсь в том, что сделал хуже себе. Будь проклят день и час, когда меня принесло в этот город. И ты хорош, не успел я изложить ему план действий, как тебя и след простыл. Вернись ты не сию минуту, а раньше, я бы еще мог что-то придумать.

Джорджетто. Знайте же, хозяин, — я за вас уже придумал. Нужно только, чтоб вы честно ответили на то, что я вас спрошу. Вы хотите, чтоб мессер Ринуччо взял нынче ночью мадонну Оретту, или нет?

Джулио. Что ты еще спросишь?

Джорджетто. Тогда ответьте на такой вопрос: хотите ли вы, чтобы ее взял он, или хотите сами ее взять? Смотрите мне в глаза.

Джулио. Вот привязался, болван!

Джорджетто. Болван? В таком разе, ежели я не уложу вас нынче ночью с мадонной Ореттой, разрешаю вам убить меня или упечь в тюрьму; но поскольку вы этой глупости не сделаете, можете, коль хотите, не разговаривать со мной.

Джулио. Чтобы я тебе поверил и не выглядел при том легковверным, объясни, как ты это сделаешь?

Джорджетто. И объясню. Держите. Прочитайте эту записку, я хочу, чтоб вы знали, на что способен ваш слуга Джорджетто. Гляньте, кому пишут.

Джулио. «Дорогой, как дочь, мадонне Оретте Сисмонди, супруге мессера Амброджо да Кашина, на дом».

Джорджетто. Думаете, все про родственные отношения? Читайте теперь, от кого письмо.

Джулио. «С материнским чувством Анфрозина де'Гваланди, в своем доме». Интересно, чья же это рука? Кто писал?

Джорджетто. Моя работа. Да вы читайте, читайте. Думаете, давеча, когда я вас бросил, я с сачком за бабочками гонялся? Не такой уж я дурак. Читайте вслух, мне охота послушать, а то я не перечитал.

Джулио. «Поелику сын мой...»

Джорджетто. Ой, начните с начала, ежели можно.

Джулио. С начала так с начала. «Дорогая и мною любимая, как дочь! Пришло время, коли ты не раздумала, выполнить наш с тобой уговор и отомстить любезному твоему супругу. Поелику сын мой уехал вечером со своим другом во Флоренцию, я отправила сказать твоему мессеру Амброджо, чтобы нынче вечером ровно в три часа он был у калитки моего сада. Я впущу его и проведу в нижнюю комнату. Посылаю тебе одежду, которую ты просила, и жду тебя у своих дверей. Приходи, поелику такие возможности случаются не каждый день. Будь здорова. Февраля двадцать четвертого дня 1549 года. Твоя Анфрозина и так дальше. Особливо постарайся, чтоб служанка твоя ничего не заметила и все было шито-крыто».

Джорджетто. Понятно, почему шито-крыто?

Джулио. Непонятно, что ты затеял.

Джорджетто. Зато мне понятно, а это главное. Ежели записка и эта одежда попадут в руки мадонны Оретты, увидите, что будет.

Джулио. А ведь я заметил, что ты прячешь что-то под плащом, да не догадался спросить, что там у тебя. Покажи-ка. О, так ведь это вещи из моего гардероба!

Джорджетто. Ну и что вы на это скажете?

Джулио. Что ты задался целью впутать меня в неприятности. Э, да тут и борода, которую я купил у парфюмера.

Джорджетто. Для бороды лицо найдется. Ежели хотите, чтоб ваши тряпки и борода послужили приманкой, на которую поймается этот остолоп мессер Ринуччо, дайте их сюда — я опять узел свяжу. Идите домой и ни в коем разе носа на улицу не высовывайте, не то все дело испортите.

Джулио. Но могу я в конце-то концов услышать, что ты затеваешь?

Джорджетто. Положитесь на меня и идите, куда вам сказано, чтоб я вас больше здесь не видел. Уж вы-то знаете, на что я гожусь.

Джулио. Будь по-твоему. Если же окажется, что я дал провести себя на мякине, я буду последним дураком.

Джорджетто. Кого мы проведем на мякине, так это старика. Как говорил Градасс, предоставьте действовать мне.

Джулио. Смотри только, чтоб не было разговоров на всю Пизу.

Джорджетто. Будьте покойны. Итак, за дело, игра начинается. С кем бы мне отправить записку и вещи, чтобы они попали в нужные руки? Сам снесу — благо меня почти никто не знает! Сделаю на манер мошенников, что держат кочан на виду, а каплуна под поллой: тряпки притащу открыто и скажу, будто хозяйка шлет их мадонне Оретте, которая собирает вещи для монастыря, письмецо же припрячу до тех пор, покуда не представится возможность отдать. О, сколько творится надувательства под прикрытием тряпок для монастырей! Недаром, где вещи для обители, там и сводни! Я знаю, доктора нет дома, — только что видел его на набережной, а посему без опаски поспешу к его дому.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Джаннелла и Джорджетто.

Джаннелла. Кто там?

Джорджетто. Свои. Открывай, Джаннелла.

Джаннелла. Ступай с Богом, сводник несчастный!

Джорджетто. О Господи! Одно из двух: не то ему дьявол нашептывает и он раскусил меня, не видя, не

то по запаху учуял, как собака. Эй, Джаннелла, открой, что ли!

Джаннелла. Ишь чего захотел, холера тебе в бок!

Джорджетто. Не мне, а тебе. Хорошенькое дельце: вместо того чтоб открыть, этот полоумный держит дверь на запоре, будто я заразный. Да открой же ты, черт бы тебя подрал! Я кое-что из платья хозяйке принес для представления.

Джаннелла. Хозяйке, говоришь? Хозяйке? Ну так ступай с Богом.

Джорджетто. Вот разорался, скотина, чтоб ему костей не собрать! Боюсь, старик вернется скорее, чем эта бешеная тварь откроет, и тогда ни черта у меня не выйдет. Ого, двадцать четыре часа бьет! Дело дрань!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мадонна Вьоланте, сестра мадонны Оретты, Джорджетто и Джаннелла.

Вьоланте. Не успела оглянуться, как двенадцать бьет. А мы еще на улице.

Джорджетто. Какие-то женщины сюда идут. Кто такие?

Вьоланте. Хорошо, что нам уже недалеко.

Джорджетто. Поспешают.

Вьоланте. Дай вам Бог доброго вечера.

Джорджетто. Добрый вечер и доброго года вашей милости. Не трудитесь стучать, сударыня.

Джаннелла. Коли ты не уберешься к чертовой бабушке, я возьму полено и проломлю тебе башку!

Вьоланте. Веселого мало. За дверью этот полоумный, а доктора, похоже, нет дома.

Джорджетто. Его нет, сударыня.

Вьоланте. Долго нам тут стоять? Открой, Джаннелла! Я мадонна Вьоланте, сестра мадонны Оретты, открой, голубчик.

Джаннелла. Зря голос меняешь, не поможет, хе-хе-хе! Я тебе не открою.

Джорджетто. Ну чем не осел? Битых три часа продержал меня под дверью, а я всего-навсего из платья

кой-чего принес, меня моя хозяйка к мадонне Оретте прислала, которой, ежели не ошибаюсь, требуются вещи для каких-то монахинь.

В ъ о л а н т е. Да, да, для наших монахинь, что завтра комедию разыгрывают. Поэтому я и хочу переночевать у мадонны Оретты. Коль скоро мне удастся попасть в дом, вы сможете, дабы не утруждаться, передать ей вещи через нас: они не пропадут.

Д ж о р д ж е т т о. Знаю. Но я хотел еще и письмишко от хозяйки вручить.

В ъ о л а н т е. А кто ваша хозяйка?

Д ж о р д ж е т т о. Мадонна Анфрозина де'Гваланди.

В ъ о л а н т е. Кто? Вы так тихо говорите.

Д ж о р д ж е т т о. Мадонна Анфрозина де'Гваланди. А говорю я тихо по одной простой причине: она наказала, чтоб служанки не слышали, поскольку предоставляет вещи втайне от сына. Письмо же мне велено отдать в собственные руки.

В ъ о л а н т е. Кажется, я догадываюсь, почему. Можете со спокойной совестью дать его мне, а хозяйке скажите: отдал, дескать, Вьоланте, ее сестре, и дело с концом.

Д ж о р д ж е т т о. Возьмите. Еще она приказала, чтоб доктор его ни в коем разе не видел, я вас предупреждаю.

В ъ о л а н т е. Он и не увидит. Я прекрасно понимаю, что оно не для его глаз. Отдайте вещи моей служанке — возьми у него узел! — и отправляйтесь на все четыре стороны. Кланяйтесь от меня вашей хозяйке.

Д ж о р д ж е т т о. С удовольствием. Еще она велела на словах передать, чтоб мадонна Оретта все сделала в точности, как сказано в письме.

В ъ о л а н т е. Все сделает, пусть не сомневается.

Д ж о р д ж е т т о. Так я пошел?

В ъ о л а н т е. Идите, помогай вам Бог. Эй, Джаннелла, не заставляй меня торчать здесь до утра!

Д ж а н н е л л а. Дождешься, что я тебе по шеем надаю, ежели добром не уйдешь!

В ъ о л а н т е. Чтоб ты сдох вместе с тем, кто тебя нанял! А вот и он сам, старый ревнивец, — совсем из ума выжил.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мессер Амброджо, мадонна Вьоланте, Джаннелла.

Амброджо. Теперь можно сказать, что она пылает не меньше моего, если не больше. Ибо не успел уехать ее сын, как она посылает сказать мне, чтобы приходил сегодня ночью. Сегодня так сегодня.

Вьоланте. Полюбуйтесь на муженька Оретты: еле ноги волочит! Ему в могилу пора, а он на стороне переспать затеял.

Амброджо. Ну вот, сходил к аптекарю, взял порцию эликсира и сиропа орехового, дабы взбодриться и начало природное укрепить: как-никак турнир предстоит — и копье должно быть наготове.

Вьоланте. Откуда это вы в такую пору, а, зятек?

Амброджо. О, Вьоланте! Я тебя не заметил. Как поживаешь?

Вьоланте. Хорошо. А вы?

Амброджо. Превосходно. Я от цирюльника. Что скажешь — краше я стал?

Вьоланте. Да, сударь. Я вас за юношу приняла или за влюбленного.

Амброджо. Отчего так, дорогая свояченица?

Вьоланте. Оттого, что вы на себя столько духов вылили.

Амброджо. Что особенного? Захотел и надушился. А ты тут зачем?

Вьоланте. Пришла переночевать у Оретты. Я думала, ежели вы не против, пригласить ее завтра утром в монастырь — комедию посмотреть, которую играют монахини.

Амброджо. Сколько можно комедий! Помешались на них — что вы, что они! Когда бы их нужда заставляла, как они утверждают, они нашли бы другое дело, чем комедию-то ставить. До комедий ли нынче? Предоставили бы играть комедии герцогу и кардиналам, а сами бы пряжей занялись!

Вьоланте. Господь с вами, мессер Амброджо. Бедняжки такие же люди, как мы, и пусть у них тоже будет какое-нибудь развлечение. Вы имеете предложить что-то другое?

Амброджо. Я свое мнение высказал. Что это за узел?

Вьоланте. Вещи, которые я для них собрала.

Амброджо. Показывай! Развяжи. Да тут и ажурные чулки! Гляди-ка, панталоны с иголки! Тоже в монастырь пойдут?

Вьоланте. А вам бы хотелось, чтоб они пошли для ряженных, для маскарада?

Амброджо. Я не уверен, что их не приготовили для глупцов и для скверных людей.

Вьоланте. Вот тебе и на! Вечно вы худое подзреваете.

Амброджо. Так уж я устроен. Открывай, Джаннелла.

Джаннелла. Обманщик! Ты мне осточертел! Коли я выйду...

Амброджо. Открывай, скотина! Я мессер Амброджо.

Джаннелла. Чума — вот ты кто! Долго ты будешь разными голосами говорить?

Вьоланте. Он вас так же впустит, как меня впустил.

Амброджо. Да откроешь ты наконец, скотина безмозглая?

Джаннелла. Погоди, погоди.

Вьоланте. Кажется, одумался.

Джаннелла. Получай!

Амброджо. Ой-ой-ой!

Вьоланте. Помилосердствуй!

Джаннелла. О хозяин, простите меня, я вас не признал. Вам больно?

Амброджо. А ты как думал, черт бешеный? Холера тебе в бок!

Вьоланте. Бедняжечка! Так ему и надо!

Амброджо. Вьоланте, иди в дом и скажи мадонне Оретте, чтобы приказала жарить голубей, коль скоро они еще не на огне, и собирать на стол: я хочу отужинать нынче пораньше — есть небольшое дело, по которому мне придется уйти.

Вьоланте. Ну что ж, все ясно. Давай вещи. А вы обе живо домой, да не зевайте по сторонам! Завтра утром пораньше зайдете за мной. Я закрываю?

Амброджо. Нет, пусть будет открыто.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мессер Амброджо, Джаннелла, в дверях.

Амброджо. Джаннелла! Джаннелла! Куда тебя черт унес?

Джаннелла. Бегу, сударь. Я относил палку.

Амброджо. Поди сюда. Ну что ты стал в дверях — и ни с места?

Джаннелла. Сами и наказывали, чтоб я от двери никуда.

Амброджо. Джаннелла, ты знаешь, как я тебя люблю. Я не раз говорил, заботясь о тебе, что благодаря латыни ты не пропадешь после моей смерти. И доколе я жив и здоров, я хочу сделать из тебя человека весьма ученого.

Джаннелла. У меня только и надежды что на вашу доброту.

Амброджо. И поскольку я знаю, что тебе ведомо — а ежели неведомо, то я тебе скажу, дабы ты усвоил, — что подобно тому, как *omnis labor optat praemium*¹, так *omnis praemium presupponit laborem*².

Джаннелла. Амброджо, вы ж понимаете, что я покуда еще не так силен в псалтири, по которой вы меня обучаете, чтоб разобраться, о каком таком рассупонивании и о какой раболеме вы толкуете. Сделайте милость, скажите, что от меня требуется, да только не на греческом и не на еврейском скажите, а не то я с ума сворочу.

Амброджо. Ты прав. Кто брюхом здоров, тот просит бобов.

Джаннелла. Вот это другое дело! От бобов я не откажусь, а насчет рассупонивания надо подумать.

Амброджо. Я хочу, чтобы ты понял следующее: в благодарность за мою доброту ты должен служить мне еще усерднее и должен быть готов подвергнуть себя опасности.

Джаннелла. Опасности? Да я для вас ночью на кладбище пойду, пуп для вас надорвать не побоюсь!

Амброджо. Это за мою доброту. А за такую любовь к тебе, как моя?

Джаннелла. Господь свидетель, я вас тоже люб-

¹ Всякое усердие заслуживает награды (лат.).

² Всякая награда предусматривает усердие (лат.).

лю. И ежели нынче я на вас с палкой налетел, так это, во-первых, для вашего же блага, а во-вторых, я не поверил, что вы это вы.

А м б р о д ж о. Забудем об этом — дело прошлое. Поговорим лучше о том, что впереди. Сегодня вечером мне понадобится твоя помощь. Но имей в виду, мне нужен помощник с сердцем льва.

Д ж а н н е л л а. Кому-нибудь накостылять?

А м б р о д ж о. Нет. А быть может, да. Я тебе все скажу, Джаннелла. Но смотри у меня, чтобы ни единому человеку не проболтаться.

Д ж а н н е л л а. Не бойтесь, я буду нем, как рыба.

А м б р о д ж о. Сегодня вечером я получил записку от одной дамы из нашего города: она хочет, чтобы я побыл с ней начиная от двух часов ночи. Но так как у меня имеются кое-какие подозрения, я думаю взять тебя с собой, дабы при необходимости ты мне помог.

Д ж а н н е л л а. В чем помог?

А м б р о д ж о. Ты не слышал? Защитил, если на меня нападут. Поскольку я опасаясь, кабы нас не узнали, то рассудил, что мы переоденемся — так будет надежнее — и с кинжалами под платьем отправимся туда, где предстоит работа.

Д ж а н н е л л а. Я тоже должен работать?

А м б р о д ж о. Ты нет, твое дело слушать, что я говорю, только и всего.

Д ж а н н е л л а. Как так? Я понял, что вам и по этой части помощник нужен.

А м б р о д ж о. Черта с два! Нет уж, предоставь это мне. Я войду в ее дом, который тут неподалеку, а ты останешься у двери и будешь ждать, пока я не позову тебя на помощь.

Д ж а н н е л л а. Вопрос еще, услышу ли я.

А м б р о д ж о. Я позову громко.

Д ж а н н е л л а. Звать, черт подери, не надо, а то нас узнают и на пару отправят в тюрьму. Лучше подайте условный сигнал.

А м б р о д ж о. Правильно говоришь. Лучше условный сигнал. Итак, коль скоро ты мне понадобишься, я покашляю: кхе-кхе. А хочешь — свистну.

Д ж а н н е л л а. Что в лоб, что по лбу! Да в Пизе всякую ночь такие сигналы на каждом шагу услышишь — не наделять бы мне по ошибке глупостей каких.

А м б р о д ж о. Постой. Я крикну, как во Флорен-

ции кричали по ночам в тридцать втором году: «Кис алья?»

Д ж а н н е л л а. Что? Мудрено уж больно, неучу вроде меня вовек не запомнить. Лучше три раза ухнете, ежели я понадоблюсь: уху-уху-уху!

А м б р о д ж о. Это же по-совиному!

Д ж а н н е л л а. А какая вам разница? Зато я мигом смекну. Так что кричите по-совиному.

А м б р о д ж о. Ладно, буду ухать.

Д ж а н н е л л а. Хозяин, а как ваша мадонна Оретта посмотрит на то, что вы уходите среди ночи? Этакое с вами и днем-то редко случается.

А м б р о д ж о. Я все продумал. Скажу ей, будто за мной прислал комиссар, коему необходимо обсудить одно дело и до утра сообщить свое решение его светлости.

Д ж а н н е л л а. Еще вопрос, поверит ли она.

А м б р о д ж о. А я так поведу разговор, чтоб поверила.

Д ж а н н е л л а. Плохо, коли она увидит вас переодетым.

А м б р о д ж о. Дурак ты, дурак. Думаешь, я выряжусь, чтобы попасться ей на глаза? Она будет с сестрой в зале, мы же под предлогом, будто нам нужно кое-какие бумаги захватить, переоденемся внизу, в кабинете.

Д ж а н н е л л а. А во что?

А м б р о д ж о. Найдем. Хотя бы в плащи, которые я велел сшить для двух пажей в бытность свою подестой в городе Форли. Пошли ужинать — уже, наверно, второй час.

Д ж а н н е л л а. Надо наесться вдоволь, чтоб если уж помирать, так хоть на сытое брюхо.

А м б р о д ж о. Мне лучше не переедать перед работой, а то прыти не будет. Советую и тебе не объедаться.

Д ж а н н е л л а. Ну, из меня-то плохой работник, ежели я брюхо не набью, как барабан.

А м б р о д ж о. Тогда набивай. Раз от этого зависит твоя удаля, тебе виднее. Идем.

Д ж а н н е л л а. Да будет благословенна эта дама! Почаще бы она так.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мессер Ринуччо, один.

Ринуччо. Пробило два. Еще немного — и мессер Старьёджо выйдет из дома. Во избежание ошибки мне лучше дожидаться где-нибудь здесь, пока он не появится: тогда, буде он не возьмет с собой это ничтожество Джаннеллу, я прикажу, чтоб ему не открывали. Чего ради запирасть старика в ловушке, коль скоро Джаннелла останется в доме? О, жалкая доля влюбленного! Презренный слуга, коего жизнь не стоит ломаного гроша, может сделать меня счастливейшим или несчастнейшим человеком на свете в зависимости от того, выйдет он из дому либо нет. Все же я надеюсь на лучшее и не поверю, чтобы Фортуна не желала благополучного исхода моей любви, когда обстоятельства сложились столь удачно, что этот выживший из ума старик, который на ладан дышит, влюбился в мою матушку. И уж точно, кабы не это обстоятельство, скорее бы рак свистнул, чем я остался наедине с мадонной Ореттой, — такова ревность этого безумца. Внимание, дверь открывается. Слава Богу, это переодетый старик.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мессер Амброджо и Джаннелла, переодетые,
мессер Ринуччо.

Амброджо. Ты взял кинжал и щит?

Джаннелла. Да, сударь. Чертова шляпа — на глаза налезает.

Ринуччо. Джаннелла с ним. Все идет как по маслу.

Амброджо. Запри дверь.

Ринуччо. Что это они на себя напялили?

Амброджо. Хорошо закрыл?

Джаннелла. Да, сударь. Будь они прокляты, эти кинжалы!

Амброджо. Проверь кольцо — лег ли на место засов. Я хочу быть спокоен.

Р и н у ч ч о. Мне лучше обратиться, пока они меня не заметили и не заподозрили неладное. Заодно дам знать мессеру Джулио, что птичка летит в сети.

А м б р о д ж о. Какого черта ты дергаешь дверь?

Д ж а н н е л л а. Гляжу, хорошо ли закрылась.

А м б р о д ж о. Хватит дергать! Ты что, хочешь, чтобы Аньола высунулась из окна и увидела нас в этом наряде?

Д ж а н н е л л а. По правде говоря, у меня не запирается.

А м б р о д ж о. Ты же сказал, что запер.

Д ж а н н е л л а. Засов заело. Может, мне лучше остаться и сторожить дверь?

А м б р о д ж о. Ты у меня останешься, осел, холера тебе в бок! Сам не знаю, кто мне мешает сломать этот кинжал о твою голову. Отойди!

Д ж а н н е л л а. Не зря я дергал, вот и поддел засов. Запираю.

А м б р о д ж о. Отойди, говорю. Хватит, больше не желаю никому верить.

Д ж а н н е л л а. Да что, по-вашему, было бы, кабы двери не запереть? Думаете, любовники набегут и примутся по очереди кольцо ощупывать?

А м б р о д ж о. Теперь я могу быть спокоен — собственными руками проверил. Тем не менее, Джаннелла, будет лучше, коль скоро, сопроводив меня, куда мне нужно, — а это в двух шагах, — ты, как только я войду, вернешься и посмотришь, не шляется ли кто вокруг; и доколе я буду там, твое дело бегать от дома моей дамы до нашего и обратно. Таким образом, ты, в случае чего, засаду и там, и тут обнаружить сумеешь, да и не замерзнешь.

Д ж а н н е л л а. Мне уже холодно: зря не надел свой капюшон.

А м б р о д ж о. Какой еще капюшон? Согреешься, коли руки придется пустить в ход. Смотри же, не робей!

Д ж а н н е л л а. Ежели надо, я и ноги в ход пушу. Не маленький!

А м б р о д ж о. Как ты думаешь, нас можно узнать?

Д ж а н н е л л а. Еще чего! Да нас сам черт не признает. Надень мы маски, можно было бы подумать, что на маскарад собрались.

А м б р о д ж о. На маскарад собрались или спятили — не все ли равно, кто что подумает? Мне важно одно —

чтоб меня не узнали. Да и карнавал на носу. Ступай вперед и смотри, нет ли кого на улице.

Д ж а н н е л л а. Сами вперед идите, вы же хозяин, вам и положено.

А м б р о д ж о. В штаны наложено! Трясешься? Я слышал, что ты сказал.

Д ж а н н е л л а. А как тут не трястись, когда я боюсь. Я хотел сказать, что замерз.

А м б р о д ж о. И то и другое. Я тебе верю, не трудись объяснять. А кинжал-то на что? Можно подумать, что на тебя самого с кинжалом напали.

Д ж а н н е л л а. Ладно уж, двинулись, коли вам угодно. Мне бы ваши заботы! Я помираю от холода в этой полосатой одежке. Ежели вы намерены топтаться здесь, то я пошел от вас в дом. Вон уже три часа пробило.

А м б р о д ж о. Самое время. Идем, мне слышались чьи-то шаги.

Д ж а н н е л л а. Кто бы это ни был, у нас свои дела.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М а д о н н а О р е т т а, переодетая мужчиной, одна.

О р е т т а. Как жалка и несчастна женская наша доля, в состоянии понять, да и то лишь отчасти, только тот, кто представит, сколько мы испытываем неприятностей и скольких лишены удовольствий. Чаще всего нам приходится жить под жестоким гнетом. Мужчины, беря жену, почти всегда берут ее по своему выбору, нам же подчас — и я, увы, могу служить тому подтверждением — приходится выходить за такого, кто, не говоря уж о разнице в возрасте, при которой он более в отцы нам годится, нежели в мужья, до того груб и бесчеловечен, что скорее двуногой скотиною, чем человеком, зваться может. Оставим, однако, сетования на несчастную долю других и поговорим о моей, из несчастных несчастнейшей. Я замужем за мессером Амброджо, что мог бы быть мне дедушкой. О, он богат! И при этом мне нельзя съесть лишний кусок хлеба. Мало того, что муж у меня старик, так он еще, на мою беду, и ревнивец, и хоть ревнует понапрасну, но до того сильно, что сильнее,

думаю, невозможно. Из-за его ревности я лишена удовольствий за пределами дома, а из-за его старости — удовольствий домашних. Судьбе же недостаточно было всех моих несчастий, и она сыграла со мной еще одну злую шутку, еще больше насмеялась надо мной, сделав так, что мой старый безумец, коему, похоже, враз изменили силы разума и силы телесные, влюбился. Бедная Оретта, только этого тебе не доставало! В итоге — пожизненное заточение и старик супруг, ревнивый, влюбленный, впавший в детство. Дошло до того, что я, дабы вернуть его домой, должна в четыре часа ночи перелезть в мужском платье через ограду сада и, выбравшись на улицу, пройти по Пизе переодетой, войти в чужой дом и смириться с тем, что меня, возможно, сочтут тою, кем я никогда не была и быть не хотела. И если бы я не надеялась с помощью этого лекарства вправить мозги полоумному старикашке, я бы действовала по-другому. Чу, скрипнула дверь — кажется, у мадонны Анфрозины. Так и есть. Вот и служанка мне сигнал подает. Пора, птичка в клетке; явился, почтеннейший, добро пожаловать!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Д ж а н н е л л а, один.

Д ж а н н е л л а. Я проводил хозяина. Доставил в целости к дому дамы. Мне повезло — не пришлось ни с кем драться. Кроме того, я узнал нынче две вещи, в которые сроду бы не поверил: первая — что хозяин влюбился; вторая — что мадонна Анфрозина занимается такими делами. Я-то думал, старику дай Бог дома управиться, а ему, оказывается, докучает искушение плоти. Да и мадонна Анфрозина казалась мне наполовину святой. Считай, на другую половину она дьявол. Вот уж впрямь поди разберись в любовных шашнях! У кого зуд, тот сам чешется или ищет, кто б его почесал. Кабы и мне так! А я в четыре часа ночи ношусь по городу переодетый и сторожу, чтобы, покуда хозяин в чужие ворота стучится, у него самого дверь не высадили, хоть он того и заслуживает.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мессер Ринуччо и Джаннелла.

Р и н у ч ч о. На моих глазах мессер Старьёджо вошел в западню. Погляжу я на него, когда... А это еще кто? Что он тут забыл? Так-так.

Д ж а н н е л л а. Черт побери! Я тут от холода подыхаю, а хозяин удовольствие получает.

Р и н у ч ч о. Господи, да ведь это Джаннелла! Склеп охраняет. погоди же у меня!

Д ж а н н е л л а. Сколько можно! Ох-ох-ох, сил моих больше нету.

Р и н у ч ч о. Защищайся, трус!

Д ж а н н е л л а. Пощадите бедного слугу!

Р и н у ч ч о. Заткнись! И брось кинжал. Слава Богу, из оруженосца такой же вояка, как из хозяина доблестный рыцарь в постели. Что я вижу! Так и есть — полотенце в окне. Мадонна Аньола не подкачала. Очередь за отмычкой. Отпираем. Красотка — наша. Путь открыт, враг повержен.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Джорджетто, один.

Д ж о р д ж е т т о. Покуда хозяин ведет рукопашную баталию в лагере доктора, послежу-ка я за тем, чтобы его раньше времени внезапно не атаковал мессер Ринуччо, который, сгорая от нетерпения, поспешил к дому доктора за добычей, но, найдя его пустым, тотчас воротится. Тоже мне разбежался! Думаю, такой оборот будет ему не по вкусу, только виноват-то он сам. Теперь мой хозяин видит, чего я стою. Благодаря мне мессер Старьёджо сидит запертый во дворе, а он на пару с его женой в постели лежит, и я, ежели понадобится, могу подтвердить, хоть и не видел в темноте, зато очень даже хорошо слышал, что он плотью с ней породнился. Я их одобряю: больше дела, меньше слов. Мадонна Оретта не сравнит обхождение мессера Джулио с обхождением своего обалдуя, который, на манер Ричхардо да Кинцика из «Декамерона», всегда должен численник под рукой иметь. У моего же хозяина численник выпал из-

за пояса, и они могут малость разговеться: дал Бог роток, дал и кусок. Но что это я говорю — малость? Будто одной ночью все и закончится! Как бы не так! И сколько бы на пальце у старика ни оставалось кольцо, которое дьявол дал живописцу, рога у него вырастут подлиннее, чем у Актеона, по женской милости! Надо быть последней душой, чтобы упустить такую возможность, чтобы видеть лакомство — ешь сколько хочешь — и не протянуть к нему руку, не положить в рот. Для этого нужно быть глупее этого мессера Овечки, который, покуда ему наставляют рога, кричит во дворе по-свиному что есть мочи. Я чуть скулы от смеха не своротил, слушая, как он выводит песенку совы. Дуракам закон не писан.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Джаннелла и Джорджетто.

Джаннелла. Уф! Я так бежал, что чуть было не помер.

Джорджетто. Господи, он выбрался — не иначе как запор сломал!

Джаннелла. Мне и полгода не хватит в себя прийти.

Джорджетто. Он? Нет. Так-так-так, да ведь это придурок Джаннелла. Какого черта он ищет на земле?

Джаннелла. Господи, мне бы кинжал мой найти.

Джорджетто. Что ты там ищешь? Эй!

Джаннелла. Ой, не бейте меня, это не я!

Джорджетто. Поди сюда, осел! Кто тебя собирается бить? Ты что ищешь?

Джаннелла. Свой кинжал — я его сейчас только обронил.

Джорджетто. Откуда ты взялся? Разве такие ратники еще не перевелись? Тебе только султана из куриных перьев недостает для приманки лисиц.

Джаннелла. Я почему его обронил? На меня человек полтора года напали.

Джорджетто. Улепetyвает. Эй, ты куда? Убежал, скотина. Что-то мессер Ринуччо долго не выходит. То ли его там нет, то ли выйти не может. Но запор-то открыт — значит, он там. А ежели там, чего не выходит?

Вот возьму да запру его. А потом сам женским сословием займусь — не одним же молокососам нынче ночью мясоед праздновать. Тем паче, все эти хлопоты-перехлопоты подняли голубчика, который, почитай, целый год спал.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Джаннелла, один.

Джаннелла. Плакал мой кинжал! И ножны в придачу. Было, да сплыло. Проклятые шуры-муры! Чертов хозяин — чтоб он провалился вместе со своей полюбовницей! Дрянную ночку они мне устроили — еще немного, и меня бы изрубили на куски. Чу! кажется, я слышу сигнал. Господи, так и есть! Как назло — хозяин попал в передрагу, а я без оружия. Что делать? Кабы у меня хоть ключ был от дома! Все пуще кричит. Беденький. К Всевышнему обращайся, я тебе не помощник. Сюда бегут — я слышу топот толпы. Ох и отдубасят меня!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мессер Амброджо, Джаннелла.

Амброджо. Кхе-кхе-кхе. Домой, домой!

Джаннелла. Ой, это хозяин. Что с вами, хозяин?

Амброджо. Худо мне, Джаннелла! Кхе-кхе-кхе, я продрог до костей.

Джаннелла. Что случилось?

Амброджо. Холера им в бок — и женщинам, и мужчинам! Кхе-кхе-кхе. Попробуй после такого не закашляй! Кхе-кхе.

Джаннелла. Где это вы простыли? Неужто в постели мадонны Анфрозины?

Амброджо. Чтоб ее Бог наказал, обманщицу! Всю ночь во дворе меня продержала — я чуть не околел от холода. Кхе-кхе-кхе. И могу тебе сказать, что имел по твоей милости удовольствие изображать сову. Легче было удавиться, чем дожидаться от тебя помощи. Кхе-кхе-кхе.

Джаннелла. Ох, хозяин, не одному вам досталось. На меня добрых три сотни вооруженных молодчиков напало — окружили меня и задали жару, искололи всего, в решето превратили. Ежели хотите знать, я в этой свалке обронил ваш кинжал.

Амброджо. Ты его потерял?

Джаннелла. Нет, сударь. Я так понимаю, что они его захватили.

Амброджо. Чтоб тебе ни дна ни покрышки, раззява ты этакий! А мой кинжал сломался, когда я ковырял им в замке, пытаюсь выбраться из треклятого двора, где меня заперли; но он-то меня и выручил: кабы нечем было дверь отпереть, я бы в сосульку превратился из-за этой обманщицы. Ну да ничего, ежели буду жив, я ей отплачу. Тем хотя бы, что она и ее сыночек проиграют дело, которым я занимаюсь, кхе-кхе-кхе.

Джаннелла. Вот это правильно, хозяин! Честно сказать, не хочется, чтобы у нас в привычку вошло таскаться по ночам к женщинам. Оставьте мне сторожить вход в дом и запирайте дверь изнутри. Уж я вам докажу, что неистовый Морганте и тот в подметки мне не годится.

Амброджо. На ошибках учатся. Ой, кто-то трогал замок! Горе мне! Я погиб! Дверь отперта. Сюда входили. Какой ужас!

Джаннелла. Разве ключ был не у вас?

Амброджо. Ну и что? Кто-то обзавелся своим ключом. Бедный Амброджо! На старости лет...

Джаннелла. А может, обошлось без того, чего вы боитесь.

Амброджо. Где задета честь, да свершится месть! Стой, Джаннелла. Запри дверь снаружи, дабы никто не вышел.

Джаннелла. Смотрите, не пристукнули бы вас. Ну вот, теперь можно не бояться, кто б там ни был: ежели он не высадит дверь, ему не выйти. Вишь, в какую передрагу мы нынче попали из-за охоты с женщиной переспать! Как будто у хозяина своей в доме нет, да еще такой красавицы, или как будто в темноте они не все на один лад. Приготовились: я слышу шаги на лестнице. Не спешите, голубчики, успеете получить на орехи.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мессер Амброджо, Джаннелла.

Амброджо. Джаннелла, открой, открой скорее! Выпусти меня!

Джаннелла. Кто ты? Имя скажи.

Амброджо. Мессер Амброджо.

Джаннелла. Так я тебе и поверил! Докажи.

Амброджо. У тебя отняли кинжал.

Джаннелла. Этого мало. Какой сигнал ты должен был подать?

Амброджо. Уху-уху-уху!

Джаннелла. Совсем другое дело. Теперь я знаю, что вы — это вы.

Амброджо. О небо! О земля! Неужели я не ослышался? Мне больно! О бедный Амброджо! Видишь, на твою голову обрушилось несчастье, которого ты боялся!

Джаннелла. О чем это вы опять?

Амброджо. За что мне такое наказание? Ну за что?

Джаннелла. Больно? Может, от холода опять бок прихватило?

Амброджо. Горе мне! Моя честь!

Джаннелла. Попробуйте разок-другой потянуться.

Амброджо. Я хочу, чтобы братья узнали, как блюдет она их честь и мою, когда меня нет. Принимать в доме любовников! Каково?

Джаннелла. Черт возьми, сколько я понимаю, это называется рогами!

Амброджо. Не знаю, как я удержался, чтобы не перерезать обоим горло. Запри дверь.

Джаннелла. А где ключ?

Амброджо. Откуда я знаю. Закрой на засов: кому-то ведь и замок отомкнуть раз плюнуть. Оставайся здесь и гляди, чтобы никто не вышел.

Джаннелла. На кой черт мне глядеть? Чтобы опять взбучку получить?

Амброджо. Вернись, говорю!

Джаннелла. Лучше я с вами пойду.

Амброджо. Ступай назад, сделай доброе дело.

Джаннелла. Да не хочу я ничего делать! Коли

меня укокошат, люди скажут, что за дело, только мне ведь от этого не легче.

А м б р о д ж о. Куда ни кинь — все клин. Да пропади оно пропадом!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мадонна Оретта, мессер Джулио.

О р е т т а. После того, как его безумие, моя ревность и ваша хитрость побудили меня сделать то, чего сама бы я никогда не сделала, мне остается лишь сказать, что так суждено было тем, который волен нами располагать и которого велению, будучи не вправе его послушаться, я не собираюсь противиться. А посему я прошу вас, мой мессер Джулио, чтобы, приняв во внимание обстоятельства, в коих я оказалась из-за вашей любви, вы соблаговолили мне помочь, дабы я не потеряла в глазах людей то, что вы заставили меня потерять вдали от сторонних глаз.

Д ж у л и о. Мадонна Оретта, считайте меня самым вероломным любовником из живущих на свете, коль скоро я не готов буду подвергнуть свою жизнь опасности и отдать ее во имя спасения вашей чести и вашей жизни.

О р е т т а. Что нам делать, ежели вернется мой старик? Глядите, окно открылось и кто-то вылезает. Кто это?

Д ж у л и о. Оставайтесь здесь, а я посмотрю. Пожалуй, спрячьтесь.

О р е т т а. Да поможет мне Бог избежать позора!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мессер Джулио, мессер Ринуччо и мадонна Оретта.

Д ж у л и о. Ну и ну!

Р и н у ч ч о. Ну и ну!

Д ж у л и о. Господи, это же мессер Ринуччо! Вот так так!

Р и н у ч ч о. Кто здесь?

Джулио. Мессер Ринуччо?

Ринуччо. Мессер Джулио! Вы не видели мадонну Оретту?

Джулио. Я знаю, что она устала вас ждать. Почему вы столь непростительно промешкали?

Ринуччо. Объясню на досуге. Где она?

Джулио. Здесь, рядом. А что?

Ринуччо. Мне нужно с нею поговорить. Идем к ней.

Джулио. Да вот же она. Мадонна, выходите, это ваш мессер Ринуччо.

Оретта. О мессер Ринуччо, с доброй ночью.

Ринуччо. С доброй ночью и доброго вам года. Что же это вы, мадонна, убегаете от вашего слуги?

Оретта. Мессер Ринуччо, да кабы я знала, что все подстроено вами или мессером Джулио, я бы не вышла, а вы бы не вошли в мой дом. Но, слава Богу, мы оба здесь. Все к лучшему. Однако что это вы через окно вылезли?

Ринуччо. По милости вашего мужа, который, вернувшись домой и найдя дверь незапертой, а также услышав меня в комнате с вашей сестрой и подумав, что я с вами, выскочил на улицу и, заперев дверь, побежал, сдается мне, к дому ваших братьев.

Оретта. Горе мне! Я пропала.

Ринуччо. Не плачьте, не тревожьтесь, мадонна Оретта. Ничто не препятствует моему счастью, не мешает наслаждаться вашей любовью после того, как мы с вашей сестрой нашли прикрытие на все случаи.

Оретта. Какое прикрытие? Горе мне!

Ринуччо. Идите сюда, я открою двери. О, чудо! Они не заперты! Заходите в дом и действуйте так, как скажет мадонна Вьоланте. И не тревожьтесь.

Оретта. Поручаю себя вам. Ради Бога!

Джулио. Мадонна, будьте покойны. Пока мы живы, вам не грозят неприятности; жизнь же наша останется вне всякой опасности, доколе мы будем знать, что вы милостивы к нам.

Оретта. О мессер Джулио и мессер Ринуччо! Выбраться из беды, не причинив огорчения близким, представляется мне невозможным! Дай Бог, чтоб это мне удалось так же, как я ваша и всегда буду ваша.

Ринуччо. Да будут благословенны эти уста!

Оретта. И уж коль скоро я ваша, то и поручаю себя вам.

Джулио. Мы же как ваши слуги целуем вам ручки.

Ринуччо. Хватит. Отложим на потом церемонии и рассуждения. Заходите в дом.

Оретта. Действуйте. Доброй ночи.

Ринуччо. Запритесь на засов.

Джулио. Мессер Ринуччо, вот вам возможность ради ее спасения поставить на кон состояние и жизнь.

Ринуччо. Не сомневайтесь, мессер Джулио: комар носа не подточит. Станем здесь, у нашего дома, и подождем старика. И ежели вас не разберет смех, завтра утром я угощаю вином.

Джулио. Не держи я вас за человека умного и рассудительного, я бы сейчас смеялся над вами, видя, какой оборот принимает дело, и слыша то, что вы говорите.

Ринуччо. Не сомневайтесь.

Джулио. А я и не сомневаюсь, ибо опасность бесспорна. Сомневаются, когда вилами по воде писано.

Ринуччо. Сомневаться нынче ночью следовало бы мне — после того, как меня надули, будто мячик, однако я не хочу роптать. В конечном счете мне скорее повезло, чем хватило ума. И поскольку дело приняло такой оборот, расскажите мне по крайней мере, мессер Джулио, как это случилось, дабы я знал на будущее, хотя, быть может, не всегда же мне попадать впросак, как нынче ночью. Обещаю и я наперед рассказать вам кое-что не менее занятное. Тем самым мы скоротаем время, покуда старик не вернется.

Джулио. Можно, я скажу правду? Вы не рассердитесь?

Ринуччо. Можно и даже нужно. Так и знайте — наперед все вам прощаю.

Джулио. Правду вам сказать, я с самого начала, с самого моего приезда в этот город, влюблен в мадонну Оретту; только я этого не показывал, ибо после того, как вы поведали мне о своей любви, я полагал, что, открывшись, огорчу вас и поврежу себе. Втайне же я разными путями искал встречи с нею и, поскольку ни один из них ни к чему не привел, жил в отчаянии.

Ринуччо. А я-то хорош, черт меня возьми! Так опростоволоситься!

Джулио. Особенно я отчаялся сегодня, когда увидел, как скоро и с какой легкостью вы можете осуществить свое намерение.

Р и н у ч ч о. Зачем же вы дали мне совет и нашли для меня легкий способ осуществить мое намерение?

Д ж у л и о. Затем, что когда вы как друг попросили у меня совета, я скрепя сердце предпочел поступить в ущерб себе, как этого требовал долг истинного друга, вместо того, чтобы обмануть вас и выиграть самому.

Р и н у ч ч о. Я всегда видел в вас верного друга, но тут — честь вам и хвала! — вы показали себя сверхверным.

Д ж у л и о. Не находя себе места, я, дабы излить душу, поведал обо всем моему Джорджетто, коему, как вы знаете, я охотно поверяю все свои тайны; после чего, сам на себя непохожий, я стоял, переодевшись служанкой, у двери вашего сада в ожидании старика, который явился в соответствии с нашим планом.

Р и н у ч ч о. Я видел, как он пришел. Но под каким предлогом вы его заперли во дворе?

Д ж у л и о. Впустив его во двор и заперев дверь, дабы он не мог выйти, я ему говорю: «Сударь, мы погибли! Мессер Ринуччо и мессер Джулио вернулись, они дома». Услышал это старый хрыч — и поджилки у него затряслись. Тут я его немного успокоил, сказал: «Все равно они куда-то собрались. Ждите меня здесь — чуть только выйдут они из дома, я к вам вернусь».

Р и н у ч ч о. Вы так долго с ним говорили, и он вас не узнал?

Д ж у л и о. Вот именно. Я весьма удачно подделал голос под женский. Да и не знает он меня — видел как-то с вами, но, по-моему, разговаривать нам не довелось. К тому же, когда он явился, он плохо соображал от любви, а уж когда услышал, что мы дома, и вовсе от страха перестал соображать. Таким образом, я ушел, а его запер во дворе.

Р и н у ч ч о. Перед этим бледнеет история мессера Риньери из «Декамерона».

Д ж у л и о. Не успел я дверь запереть, подходит ко мне Джорджетто и, весь сияя, говорит: «Мессер Джулио, живо раздевайтесь и идите в комнату — мадонна Оретта вас ждет». «Не следовало бы и тебе усугублять мою боль», — говорю я ему. «Господь с вами! — отвечает он. — Я вам ее привел, идите к ней, только сделайте вид, что вы ее благоверный, и попробуйте ее приручить без лишних хлопот».

Р и н у ч ч о. И по-твоему, это хорошо — добиваться своего бесчестным путем!

Джулио. Я сбрасываю с себя платье служанки и вхожу, не вполне уверенный, что меня не заманили в ловушку. Не успеваю я переступить порог, как шею мою обвивают чьи-то руки.

Ринуччо. Все это, надо думать, происходило в темноте.

Джулио. Вот именно, что в темноте! Тогда я нащупываю лицо и, убедившись, что кожа нежная, чувствую желание заняться своим делом. Полураздетые-полуодетые, мы добрались до кровати, я совершенно сбился с панталыку, она говорила до того тихо, что я ничего не мог разобрать и, следовательно, не был уверен, мадонна Оретта она или нет, боясь, что Джорджетто привел мне другую женщину, и не осмеливаясь спросить: «Кто вы?» — либо сказать, чтобы она говорила громче; про себя же я твердил: «Если это мадонна Оретта, — что тем не менее представлялось мне невероятным, — я не хочу, чтобы она меня узнала».

Ринуччо. И тогда вы последовали примеру купцов, проверяющих товар на ощупь. Я угадал?

Джулио. Дело в шляпе. Мы можем сказать, что нам повезло. Только бы свистопляска не поднялась.

Ринуччо. Черт вас поberi! Уж говорили бы за себя: мне повезло. Плакать не стану.

Джулио. Конечно, не станете, когда услышите, что торг будем вести сообща. Так вышло, что я действовал за вас. И насколько мне перепало в этот раз больше вашего, настолько в следующий раз вы отхватите больше меня — и мы будем квиты.

Ринуччо. Договоримся без всяких посредников. Рассказывайте дальше.

Джулио. Прошло уже немало времени с той минуты, как я возлег с ней, и боевой задор поутих, когда она, думая, что я ее благоверный...

Ринуччо. Ну да! Как будто нет разницы между возлежанием доктора и вашим! О, поверьте мне, мессер Джулио: ежели женщины этим не занимаются, то или потому, что не с кем, или случай удобный не подворачивается.

Джулио. Все может быть. Хотя я действительно думаю, что она думала, будто я ее благоверный, ибо учинила мне страшный нагоняй. «Ах, так, старый безумец! — шипела она. — Так? Дома мертвец мертвецом, а на стороне молодец молодцом! С кем это ты, по-твоему, усла-

ждался? Ну-ка посмотри. Узнаешь? Кто я — мадонна Анфрозина или мадонна Оретта? Я направила по твоему следу лучших собак, а ты и не ведал. Таково дело, которым ты собирался заняться с комиссаром? Вот кого я так люблю! Вот из-за кого удерживаюсь получать удовольствие с другими, как это делаешь ты, изменник! Или, быть может, я не нашла бы с кем?»

Р и н у ч ч о. Еще как нашла бы! Тогда вам стало ясно, кто она?

Д ж у л и о. Да. И после того, как я дал ей выговориться, крепко держа, чтобы она из-под меня не вырвалась...

Р и н у ч ч о. Да ты бы ее и палкой не прогнал!

Д ж у л и о. Ей-богу, она хотела убежать.

Р и н у ч ч о. Убежала одна такая! А как насчет бабы, которая нехотя целого поросенка съела?

Д ж у л и о. Не знаю, что творилось в душе ее, но хорошо знаю, что когда я сказал ей, кто я и как ее люблю, она, сначала пытаясь вырваться, а потом умоляя отпустить ее, сделала все, дабы уйти. Я же, не желая, чтобы первый раз стал и последним, и удерживая ее, не допуская мысли, что вы не вернетесь, наговорил ей с три короба и убедил отдать вам и мне всю свою любовь. В мире и согласии мы пошли на новый приступ, дабы, когда вы вернетесь, вместе с вами посмеяться над вашим походом впустую; и в числе прочих приятностей мы имели то дивное удовольствие, что, пока мы пребывали вместе, старик во дворе ухал совой — черт его знает, что на него нашло.

Р и н у ч ч о. А кто его потом выпустил?

Д ж у л и о. Да никто. Он сам открыл — ковырял-ковырял в замке, тот поддался, и он выскочил, чем испортил нам все удовольствие. Ибо мы тотчас встали, оделись — и сюда, в расчете, что я успею водворить ее в дом раньше, нежели вернется он. Не вышло. Очень плохо — хуже быть не могло.

Р и н у ч ч о. Вы преувеличиваете, вот что я вам скажу. А теперь послушайте, что было со мной. Я выхожу из дома и, увидев полотенце в окне, отпираю дверь отмычкой и направляюсь в комнату, отпираю ее тем же способом, сбрасываю одежду и ложусь в постель.

Д ж у л и о. А в постели никого!

Р и н у ч ч о. Не спешите. Меня спрашивают: «Кто здесь?» Подделавшись под голос доктора, я отвечаю:

«Твой мессер Амброджо» — и придвигаюсь к молодому телу, уверенный, что это мадонна Оретта.

Д ж у л и о. И кто это был?

Р и н у ч ч о. Сестра мадонны Оретты, которая, как она мне поведала, пришла вечером, чтобы переночевать у нее, поскольку этак им сподручнее идти утром какую-то комедию в монастыре смотреть.

Д ж у л и о. А как она оказалась в этой постели?

Р и н у ч ч о. Сейчас скажу. Мадонну Оретту вызвала — так она думала — моя мать, предоставляя ей возможность застигнуть мужа на месте преступления, и ей нужно было уйти. На самом же деле ее вызвал этот негодник Джорджетто, чтобы отнять у меня и отдать вам. У мадонны Оретты с доктором есть, как вы знаете, трехлетний мальш, и поскольку он у них единственный, старик держит его в своей постели. Итак, мадонна Оретта должна была уйти, а чтоб не оставлять мальчонку одного, положила сестру в свою постель, дабы она за ним присмотрела.

Д ж у л и о. Ее ожидала славная ночка, и, думаю, она нуждалась в таковой не меньше, чем мадонна Оретта; ибо, по мне, ее муженек похож на доблестного рыцаря постели не более, чем мессер Амброджо.

Р и н у ч ч о. Само собой разумеется. Так вот, считая, что это мадонна Оретта, я к ней придвигаюсь и готовлюсь исполнить супружеские обязанности; она же, дикарка, отодвигается и говорит: «Ах, мессер Амброджо, оставьте, я не хочу!» И с этим «оставьте, я не хочу» захотела-таки, и я справил дело раз и другой.

Д ж у л и о. На здоровье! Но неужели она поверила, что вы мессер Амброджо?

Р и н у ч ч о. Да, она сама мне сказала. И сказала, что изо всех сил сдерживала страсть, дабы не открылось, что она не мадонна Оретта. И я этому верю, ибо она говорила тихо-тихо. Она призналась, что была удивлена тем, сколько в старике силы.

Д ж у л и о. А как она думала — где была мадонна Оретта?

Р и н у ч ч о. Она решила, что та под видом, будто идет к старику, пошла карнавал справлять в другое место. После того, как я пробыл с ней довольно долго и, по-моему, достаточно ее приручил, я обратился к ней с несколькими учтивыми словами, сказав: «Любовь, которую я к вам питал и питаю, мадонна Оретта, при-

вела меня сюда. Я ваш Ринуччо Гваланди». И так далее. Однако со мной, мессер Джулио, произошло обратное тому, что произошло с вами: в то время, как ваша, когда вы называли себя, вознамерилась выбраться из-под вас, моя, услыша, кто я, обняла меня крепче.

Д ж у л и о. Красноречивый знак.

Р и н у ч ч о. Прижалась она ко мне и говорит: «Мессер Ринуччо, страх бесчестия много месяцев удерживал меня от того, чтобы выказать вам любовь, которую я к вам питала и питаю; но теперь, когда, против ваших и моих ожиданий, представился случай, я не хочу обманывать себя самое. Я не мадонна Оретта, как вы полагаете, а Вьоланте, ее сестра и ваша служанка». Ну и так далее. Щебетала она, щебетала и под конец говорит, что я свет ее очей.

Д ж у л и о. Сразу видно, своим обхождением вы в самую жилку попали.

Р и н у ч ч о. Теперь вам известно, что меня задержало: после того как я узнал ее, а она меня, и сделка оказалась выгодной, я не стал искать другой. Я был бы рад рассказать вам все это раньше, да помешал приход старика, который запер меня в доме, так что пришлось мне поучиться вылезать в окно. Что это там за свет? Господи, это же старик с братом наших дам! Спрячемся, отойдем сюда, чтоб они нас не заметили.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мессер Амброджо, Угуччоне, Джаннелла, с горящим факелом.

А м б р о д ж о. Я переоделся на этот лад, дабы застигнуть их на месте преступления, и, поймав птичку, пошел за вами: я хочу, Угуччоне, чтобы вы своими глазами увидели, как она себя ведет и сколь ревностно печется о вашей и о моей чести.

У г у ч ч о н е. Я ничего не могу сказать, покуда не увижу и не услышу другую сторону.

А м б р о д ж о. И его и ее увидите, коль скоро они не упорхнули. Иди, Джаннелла, открывай дверь. Я и хочу, чтоб вы сами убедились.

Д ж а н н е л л а. Хозяин, дверь не открывается — они заперлись изнутри.

Амброджо. Заметили, что я вернулся. Это им не поможет. Стучи! Ежели придется, я через окно полезу или дверь выломаю, а в дом попаду. Стучи сильнее!

Джаннелла. Не зря говорится: кто сам не плошает, тому Бог помогает.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Мадонна Аньола, мессер Амброджо, Угуччоне,
Джаннелла.

Аньола. Кто там?

Амброджо. Сейчас увидишь, потаскуха!

Аньола. Сдается мне, что вы куча пьяниц. Ступайте, ступайте проспитеесь. Ступайте.

Амброджо. Дай мне только в дом войти — я тебе просплюсь!

Джаннелла. Открой, Аньола. Это я, Джаннелла.

Аньола. Ступайте языком болтать да в шутов рядиться к каким-нибудь шлюхам, а тут добропорядочные люди живут. Кабы хозяин был дома, небось... небось бы...

Амброджо. Эх, камня под рукой нет!

Угуччоне. Не болтайте, она права. Открой, Аньола, это я, Угуччоне, брат мадонны Оретты.

Аньола. Ой, Угуччоне, простите меня, я вас не узнала. Иду.

Угуччоне. Вот видите? Доброму слову под силу ошибку исправить.

Джаннелла. Чуть отопрет — вы туда.

Амброджо. Туда, туда.

Аньола. Да что они делают?

Угуччоне. Гляди в оба, болван! Стой здесь с факелом и ни с места! А вы, сударь, отойдите от двери и не ломитесь. Аньола, открой, открой, не бойся.

Аньола. Ну что, не под мухой они? Или я пьяниц не видала?

Угуччоне. Добрый вечер. Где Оретта?

Аньола. Шьет наверху.

Амброджо. Не иначе как толстой иглой.

Угуччоне. Помолчите, если можете. Впусти, нам нужно с ней поговорить.

А н ъ о л а. Мессер Угуччоне, вам придется обождать: когда хозяина нет дома, мне никого не велено пускать.

У г у ч ч о н е. Так вот же твой хозяин!

А н ъ о л а. Еще чего! Рогоносец какой-то, а не хозяин.

А м б р о д ж о. Черт бы тебя побрал! Кого хотела, того пустила.

А н ъ о л а. Охота мне с пьяницей разговаривать!

А м б р о д ж о. Ничего не попишешь, придется ломать дверь.

У г у ч ч о н е. Ну и осел же вы! Наказываете никому не открывать, а потом сами удивляетесь, что ваши наказы выполняют.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мадонна Оретта, мессер Амброджо и Угуччоне.

О р е т т а. Кто это там внизу? О брат мой, добро пожаловать!

А м б р о д ж о. Вот она, Угуччоне, эта добродетельная женщина!

О р е т т а. Что там еще за рогоносец?

А м б р о д ж о. Ты не обозналась, приняв меня за рогоносца, ибо сама и наставила мне рога, негодница! Где любовник, который недавно был с тобой в комнате?

О р е т т а. Так вы мессер Амброджо, мой муж? Благодарение Господу, сегодня мой брат, полагавший, что выдал меня за адвоката, увидит, кого я получила в мужья. Мой любовник наверху. Фабио, идите сюда!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мадонна Оретта, мадонна Вьоланте, переодетая мужчиной, мессер Угуччоне и Джаннелла.

О р е т т а. Идите сюда, Фабио. Вот полюбуйтесь. Он?

В ь о л а н т е. Что случилось, старый дурак?

А м б р о д ж о. Случилось то, что Бог тебя накажет, злой юноша. Ты зачем приходил в мой дом?

В ь о л а н т е. За тем же, зачем ты вырядился в эту дурацкую одежду, которая как раз по тебе; за тем же самым, чем ты собирался заняться в доме мадонны Анфрозины, любезный сердцеед.

Д ж а н н е л л а. Черт подери! Прогулочка-то наша боком выходит.

А м б р о д ж о. Я с тобой не желаю разговаривать. Я к вам обращаюсь, Угуччоне, убедились, что я говорил правду? Перед вами любовник вашей сестры. Быть может, она устыдилась показать его нам? Теперь вы видите, кто она?

О р е т т а. Брат мой, он спрашивает у вас, кто я, а вы послушайте лучше, кто он. Этот почтенный человек, который в его годы и при его занятии мог бы служить примером для Пизы, влюбляется направо и налево и уходит на всю ночь в этом наряде, в коем вы его видите. И поскольку мне это надоело, я, зная, что нынче ночью он отправился к даме, послала за этим моим любовником и устроила так, чтобы, воротясь домой, он услышал, что я в комнате с мужчиной, и, разозленный, в платье, в котором ходит предаваться безумству, побежал за вами и сам же показал вам то, чему, расскажи вам об этом я, вы бы, знаю, не поверили. Теперь вам известно его отношение ко мне. А чтобы понять, кто мой любовник, глядите. (Дай сюда бороду.) Узнаете мою сестру? Ну что, видели, мудрый доктор, кто мой любовник?

Д ж а н н е л л а. Господи, так это ж мадонна Вьоланте!

У г у ч ч о н е. Мессер Амброджо, дело обстоит иначе, чем вы мне говорили. Провинились и заслуживаете наказания вы. Стыдитесь, старый осел!

А м б р о д ж о. Я слышал скрип кровати и пыхтение.

В ь о л а н т е. Не устрой мы этого представления, нам было бы трудно вас разоблачить. Кабы моя сестра меня послушала, я бы вас по-другому наказала. Брат мой, ваше дело позаботиться о том, чтобы этот слюнявый старик перестал глумиться над бедняжкой.

А м б р о д ж о. У меня есть свидетель. Вот он.

О р е т т а. Хорошо. Спросим его. Скажи-ка, Джаннелла, ты видел, чтобы кто-нибудь входил в дом?

Д ж а н н е л л а. Я не видал, я не видал, сударыня, нет.

О р е т т а. Сторожишь ли ты днем и ночью эту дверь?

Д ж а н н е л л а. Да, сударыня, у меня никто не войдет.

А м б р о д ж о. Когда я вернулся, был замок открыт? Когда я поднялся наверх, был кто-то в комнате с ней?

Д ж а н н е л л а. Сдается мне, хозяин, дверь была в том виде, в каком вы ее оставили. Вы-то уж знаете, что не захотели, чтобы я закрывал. В доме я тоже никого не видел.

В ъ о л а н т е. А ежели вы кого-то и слышали, так меня. С чего бы это мне пыхтеть?

А м б р о д ж о. Все на одного — ну и пожалуйста! Будь что будет.

О р е т т а. Погодите. Скажи-ка, Джаннелла, ты сопровождал его нынче ночью в этом платье к дому дамы?

Д ж а н н е л л а. Говорить, хозяин? Коли на то пошло, врать не хочу — грех это. Да, сударь, то бишь сударыня, и нам худо пришлось, потому как меня всего изранили, а его целую ночь запертым во дворе на холоде продержали.

В ъ о л а н т е. Да будет она благословенна, та женщина! Он получил по заслугам. Как вам кажется, Угуччоне, кто из них вправе сетовать и кричать — он или эта бедняжка? Поплачь, бедная, поплачь, облегчи душу. Лучше удавиться — вот мой совет всякой девушке, выходящей за старика, который все равно что собака на сене.

У г у ч ч о н е. Мне трудно говорить — в таком я бешенстве. Но черт или кто там тебя поберет, старый трус, я тебе всыплю...

О р е т т а. Ой, Угуччоне, простите его из любви ко мне!

В ъ о л а н т е. Напротив, следовало бы выбить дурь у него из головы. Мерзавец! Порочить порядочных женщин, а?

У г у ч ч о н е. Возьмите свое платье и ступайте со мной.

А м б р о д ж о. Дорогой шурин!

У г у ч ч о н е. Прочь с моих глаз, мерзавец!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мессер Ринуччо, мессер Джулио, Угуччоне, мессер Амброджо и Джаннелла.

Р и н у ч ч о. Пора выручать бедного старика.

У г у ч ч о н е. Только мессера Ринуччо с компанией не хватало! Живо в дом!

А м б р о д ж о. О! Дорогой мессер Ринуччо!

Р и н у ч ч о. Кто этот ряженный? Это вы, мессер Амброджо?

А м б р о д ж о. Лучше бы это был не я.

Д ж у л и о. Это платье на таком почтенном человеке, как вы!

А м б р о д ж о. Меня попутал бес, и я прошу вас, мессер Ринуччо: ради Бога, заступитесь, а то мой шурин

хочет меня убить за пустяковую провинность, которая выведенного яйца не стоит.

Р и н у ч ч о. Ай-ай-ай, мессер Угуччоне, родственникам не пристало держать зло друг на друга.

У г у ч ч о н е. Как? Мерзавцу хватает смелости искать посредников?

Р и н у ч ч о. Он может рассчитывать на меня и в более важном деле. Идите все в дом, негоже по нынешним временам в такой час да еще в таком наряде разгуливать по улицам, тем более в Пизе. Я хочу, с вашего позволения, узнать, в чем дело, и пусть тот, кто не прав, исправится, прежние обиды уйдут в песок и впредь вы будете добрыми родственниками.

Д ж а н н е л л а. Хорошо, когда голова варит!

У г у ч ч о н е. Я не против — при условии, что он будет вести мои дела подобающим образом.

Р и н у ч ч о. Это его долг. Идите, сударь.

А м б р о д ж о. О сын мой! Будь благословен! Тебя послал Господь. Я всецело полагаюсь на тебя.

Д ж у л и о. Красотка — наша.

Р и н у ч ч о. Идите домой, не сомневайтесь, я все улажу таким манером, что не будет недовольных. Вы мне поможете, мессер Джулио?

Д ж у л и о. С большой охотой. А вот и Джорджетто. Иди в дом, Джаннелла, — там и факел погасишь.

Д ж а н н е л л а. Я хотел посветить вам.

Д ж у л и о. Что ты, спасибо, ступай. Иди-иди, только оставь дверь открытой.

Д ж а н н е л л а. По мне, самое время завалиться спать. Умаялся как сто чертей!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Джорджетто и мессер Джулио.

Д ж о р д ж е т т о. Опять он! Что он тут делал с факелом?

Д ж у л и о. Джорджетто, ты самый благородный человек на свете, и если бы я захотел вознаградить тебя по заслугам...

Д ж о р д ж е т т о. Не надо громких слов, хозяин. Я у вас никогда не оставался без награды. Что было дальше?

Д ж у л и о. Блаженство, которое преподнес мне ты. Я даже о половине выпавшего мне счастья мечтать не

мог. Да ты зайди со мной в дом мессера Амброджо. Мессер Ринуччо уже там, и ты увидишь и услышишь, в каком оба мы пребываем блаженстве.

Д ж о р д ж е т т о. А вход в дом доктора обеспечен?

Д ж у л и о. Обеспечен. Еще как обеспечен!

Д ж о р д ж е т т о. А Джаннелла? А запоры?

Д ж у л и о. Все побоку: доктор поступил под статью крестьянину, который, лишившись волов, вместо того чтобы поставить сторожей, их убирает. Представь себе, мессер Ринуччо заделался посредником между доктором, мадонной Ореттой и ее братом, и, коль скоро ничто не помешает, я стану третейским судьей.

Д ж о р д ж е т т о. В каком споре?

Д ж у л и о. В том, по которому будет вынесено следующее решение: мессер Амброджо перестает ревновать, убирает от дверей Джаннеллу и снимает запоры, клянется, что у него самая верная во всей Пизе жена, а посему он позволяет ей бывать там, где она захочет, он же не станет за ней шпионить — ему достаточно будет поручить ее мадонне Аньоле, нашей сообщнице.

Д ж о р д ж е т т о. А дальше?

Д ж у л и о. Он просит прощения у брата мадонны Оретты, у нее самой и у ее сестры; мессер Ринуччо и я становимся доктору кумовьями, когда у него родится следующий ребенок, а сие должно произойти через девять месяцев, если я не ошибаюсь.

Д ж о р д ж е т т о. Кумовство-то шиворот-навыворот получится: дитя не в родного отца будет, а в крестного. Дальше можно не рассказывать. Господи, побольше бы в Пизе таких ослов! А если бы вдобавок из их сала свечи делать, то наш город заткнул бы за пояс Ареццо с его хваленными свечами.

Д ж у л и о. Ты еще ничего не знаешь. Идем, идем в дом, если есть охота посмеяться.

Д ж о р д ж е т т о. Пошли. Вы же, зрители, втолкните от нашего имени старикам, намеревающимся жениться на молодых, чтобы посоветовались с мессером Амброджо. И уж если совершат они эту ошибку, пусть не совершают второй — не ревнуют. Иначе их постигнет такая же участь и они, несчастные, будут вдвойне несчастными. Коль скоро наша комедия пришлась вам по нраву, выразите свое удовольствие. И возблагодарите Амура, что побуждает под покровом ночи к этому милому делу.